

ЕКАТЕРИНА БАКУЛИНА

СИНЄЄ ПЛАМЯ ЮГА

16+

Екатерина Бакулина Синее пламя Юга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68030788

SelfPub; 2022

Аннотация

Я единственная дочь герцога Рёйгена и наследница Северных земель. Моего отца король казнил, обвинив в предательстве, а меня решил отдать в жены своему любимчику, сделав его новым герцогом. Но в предательство я не верю и не стану мириться со своей судьбой. Север не станет мириться и не примет чужака. Я сбегу из замка и найду себе мужа сама. Лучше уж выйти замуж за первого встречного, чем подчиниться. Вот только первый встречный не так-то прост... И все совсем не так, как кажется на первый взгляд.

Содержание

Глава 1. Кто ты?	4
Глава 2. Идем со мной	27
Глава 3. Будь моим	49
Глава 4. В горе и в радости	63
Глава 5. Как верить тебе?	84
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Екатерина Бакулина

Синее пламя Юга

Глава 1. Кто ты?

*...И увидев ее, он сказал: «Кто ты, юная дева?
Твои глаза подобны бездонным омутам Вельга.
Твои губы – алое пламя зари...»*

Из Откровения Хьернбори Бесноватого

Он не понравился мне сразу.

Я столкнулась с ним в дверях трактира. Он стоял в проеме двери, опираясь плечом о косяк, небрежно привалившись. В одной руке держал кружку эля, другой почесывал живот сквозь засаленную рубаху.

Первым деломдохнул кислым элем мне в лицо.

– Хочешь пройти, красотка? – хохотнул пьяно.

И его лицо вдруг оказалось совсем близко. Темное от солнца, слегка обветренное, а в уголках глаз легкие пучки морщинок наметились, но лет ему еще не так много, просто походная жизнь и постоянные ветра, которые заставляют щуриться... Шрамы на лице. Шрамы заметны не сразу, не настолько, чтобы уродовать, но все же заметны. Тонкие,

мелкие, с левой стороны лица, от виска и по щеке, сразу и не поймешь, что могло оставить такое. Брови совсем выгоревшие, белые, а короткие волосы и наметившаяся щетина чуть темнее. Глаза синие...

Я даже вздрогнула, когда глянула в эти глаза.

Или показалось?

Глаза смотрели очень внимательно и чуть насмешливо, совершенно трезво, и это никак не вязалось со всем остальным. Он разглядывал меня. Оценивал. Так холодно и расчетливо, что пробирала дрожь.

Но стоило его взгляду скользнуть чуть ниже, на мою грудь, как наваждение исчезло.

Просто пьяный тип в дверях.

– Хочешь развлечься? – предложил он. Отсалютовал кружкой и шумно отхлебнул еще. Икнул.

– Дай пройти! – потребовала я.

– А что ты мне дашь? – он хохотнул снова.

Уилл сделал шаг вперед, стараясь оттеснить меня и прикрыть.

– Леди нужно пройти, ты не слышал?! – попытался он.

Попытался. Пусть Уилл был на полголовы выше и шире в плечах, но все равно отчаянно проигрывал этому типу. Мальчишка. Лопухий щенок, пытающийся показать зубы. Верный...

Тип в дверях и не подумал уступать, но заинтересовался. Ухмылка стала шире.

– Она твоя госпожа, да?

Уилл хотел было ответить, но запнулся, облизал губы. Нельзя говорить. Обернулся ко мне.

Все хорошо, Уилл. Тихо.

– Я его сестра, – сказала сама, дотронулась до его плеча, и Уилл от этого прикосновения вздрогнул.

– Сестра? – тип радостно удивился. – Да вы похожи как ягненок с кемшерской кобылой! Сестра! Я б и сам не отказался от такой сестры, парень! Ты по ночам-то ее хорошо охраняешь?

Уши Уилла разом стали пунцовые.

– Что тебе надо? – холодно поинтересовалась я.

– Ничего, – тип пожал плечами. – Просто решил выйти во двор, подышать воздухом.

– Поднимается метель. После заката в метель опасно.

– Уже волнуешься за меня? – он доверительно наклонился ко мне, и я невольно отшатнулась. – Не бойся, кхм... госпожа! – усмехнулся с такой иронией. – Я тебя не трону. Проходи.

И чуть посторонился, ровно настолько, чтобы я могла протиснуться боком.

Я сжала зубы. Хорошо.

Но стоило мне шагнуть, как он снова икнул, качнувшись вперед, так, что почти прижал меня, и я ткнулась ему в грудь.

– Ой... – он шепнул мне на ухо, только раскаянья в этом было маловато.

От него пахло лошадьё, железом и паленой травой. Этот запах... травы... чуть горьковатый... так неожиданно, что я подняла на него глаза. Знакомый запах. А он подмигнул мне, словно теперь я знаю его секрет. Я... Если только это не показалось... Я знаю...

Всего мгновение. И тут же Уилл не выдержал, со всей дури врезал этому типу в зубы.

– Не смей трогать ее!

Надо признать, тип и не трогал, просто был непозволительно близко.

Еще мгновение, и развернулся, мягко отстранив меня, поймав Уилла за руку, вывернув за спину и приложив носом о дверной косяк. Так, что Уилл успел только зашипеть от боли, но дернуться уже не мог.

– Не стоило так, парень, – сказал незнакомец совершенно спокойно, ровно, и все же кровь с разбитой Уиллом губы текла у него по подбородку. Как бы там ни было, рука у Уилла тяжелая. – Я сейчас тебя отпущу, но только потому, что ты так глупо пытался защищать сестру. Обрати внимание, ей ничего не угрожало. В следующий раз думай, что делаешь, если хочешь жить. Я больше не буду столь снисходителен.

И отпустил, разжав руки.

Руки у него крепкие, жилистые.

Уилл отскочил в сторону.

– Ублюдок!

– Идем! – я схватила Уилла за рукав, потащила в теплый

зал трактира, прежде, чем он успел выкинуть еще какую-нибудь глупость. – Не надо, Уилл. Это того не стоит. Ты мне еще нужен.

Зал был полон.

Парень на конюшне сказал мне, что комнат не осталось и что надо бы у хозяина спросить, может, хоть на сеновале пустит переночевать. Но я только сейчас поняла, насколько не осталось.

Люди возвращались домой. Война в Тарве закончилась, войска распустили, а трактир у Медвежьего перевала единственное жилье на много миль. Ночью на дороге оставаться нельзя, слишком опасно, тем более в метель. Если метель поднимется, то и во двор лучше нос не высовывать. Вчера ночью я слышала, как хигги воют, предвещая бурю, но вчера еще вдалеке. Сегодня ближе.

– Господа! – хозяин сам выскочил к нам. – Ох, леди... – он окинул меня внимательным взглядом, оценил дорогой плащ на лисьем меху, должно быть. – Простите, леди, но у нас совсем не осталось свободных комнат! Мне так жаль!

– Но вы же не выставите нас на улицу? – Уилл сделал шаг вперед, всем своим видом стараясь дать понять, что выставить можно будет только силой. Угрожающе.

– Конечно нет, господа! Вы можете переночевать на конюшне, там тепло, я могу дать одеяло и жаровню. А ужином я готов накормить вас в любой момент! Вот только...

Свободных столов не осталось тоже.

А пытаться подсесть к кому-то... идея так себе. Хуже всего, что среди них могут быть люди отца, которые могут меня узнать. Лишних разговоров не хотелось. Я ведь не должна здесь находиться. Не то чтобы я прячусь... если меня будут искать, то совсем иначе, мои уловки тут не помогут. Но разговоров не хотелось все равно.

В центре зала у камина небольшой столик, один человек, допивающий эль, несколько пустых тарелок. И два свободных стула. Вероятно, все уже поели и расходятся, а этот последний. Южанин, смуглый, черные волосы кольцами... Скорее воин, чем... кто-то еще. Не слишком знатный, но и не из простых. И скорее всего, даже не говорит на нашем. Данхарец.

Думаю, он не будет ничего спрашивать.

Я показала Уиллу. Он кивнул.

– Господин, – подошел к человеку. – Прошу прощения, господин, – сказал мягко. – Можем ли мы присесть сюда? Свободных мест совсем не осталось.

Человек поднял на нас глаза. Сначала на Уилла, потом на меня, и тут же поднялся на ноги.

– Мильеди! Й'это ч'есть для мьеня. Пг'ашу вас.

Широким, почти театральным жестом пригласил нас за стол. Впрочем, в этом было только проявление вежливости и легкого любопытства.

Что ж, язык он знал, но акцент такой, что я едва могла

разобрать слова. Говорить ему явно сложно. И он чужак, не может знать обо мне ничего лишнего. Это хорошо...

Если только он не из людей того самого Искандера ибн Джабаля, которому король отдал отцовские земли. И даже если из его... Что ж, для меня это тоже повод узнать чуть больше.

– Если мильеди позволит, я угостить вас ужьин? – черные глаза данхарца сверкнули. – Мьеня зовут Кадим ибн Макнун, я исс славьиного горьода Алин-Кхар, ньедавно разорьить война... Я надьеюсь найти новий дом в Рёйген.

– Удачи вам в этом, – улыбнулась я, впрочем, не слишком искренне. Наша земля редко принимает чужаков. – Но Рёйген не самое спокойное место, вам должны были рассказать.

Он, пожалуй, даже красив. Благородные черты лица, низкий мягкий голос... должно быть, нравится женщинам и знает об этом.

– Да, мильеди, – данхарец кивнул. – Сдесь опас'ено. Зиенние твар'и... Метель приводить твар'ей. Из дома не ходить. Но у нас в Данхар свои твар'и. Дневьной.

И словно невзначай положил ладонь на узорчатую рукоять сабли. Он тварей не боится? Зря.

Я слышала, да... что на юге свои твари, приходящие с той стороны, бродят за окнами, у нас их приводят зимние метели, у них – летние песчаные бури. Но суть одна.

Я кивнула. Быстро глянула на Уилла.

– Ужьин? – улыбнулся Кадим, махнул трактирщику, под-

зывая.

– Угостите нас элем, – предложила я. – А ужин я закажу сама.

Не хочу быть обязана слишком многим, а разделить хлеб обычно значит куда больше, чем вместе выпить. Но и отказать совсем – данхарец может счесть обидой, у них так не принято.

Кадим кивнул понимающе, с легкой ухмылкой.

– Принеси еще эля! – велел трактирщику. – На всех.

Мне показалось, или его акцент в этот момент сгладился? Показалось? Просто заученные слова?

– Госпожа, – трактирщик улыбался немного нервно, поглядывая на данхарца. Осторожность к чужакам или что-то другое? – Могу предложить вам рагу с бараньими потрохами, свиные колбаски, соленые уши с грибами, жареных карпов или карасей с тушеной капустой... еще пирог с олениной есть, госпожа. Не желаете?

Я согласилась на рагу и пирог.

И пока думала, пока выбирала... принесли эля.

Кружки было четыре. Вот же... я же с самого начала понимала, что данхарец не один. Огляделась по сторонам.

– Мой д'уг сейчас прийти, – заметил мой взгляд Кадим. – Мы идти в Мьё-олву...

– Мьёльвуд, – сказали из-за спины. Тот самый тип, что встретил нас в дверях. – Мы с Кадимом едем в Мьёльвуд. Когда-то у меня там был дом, сейчас... даже не знаю, оста-

лось ли что. Вот и поглядим.

Я обернулась.

Тип принес бочку. Пустую, судя по тому, как он ее держал. Поставил рядом со столом, дном вверх, уселся на нее верхом, вместо стула. Молча хлопнул Кадима по плечу, останавливая, когда тот попытался то ли подняться, то ли сказать что-то. Кадим так же молча быстро дотронулся до уголка нижней губы, в том месте, где Уилл разбил ее этому типу, губа слегка припухла, кровь заметна до сих пор. Но тип лишь ухмыльнулся, качнул головой.

– А меня зовут Отер, – сказал он. – Пора бы и познакомиться. Вы тоже возвращаетесь домой, миледи?

Глаза у него синие, и в этом что-то почти противоестественное.

Даже не столько в глазах... во всем. Высокий, светлые волосы, одет очень просто, рубаха в старых жирных пятнах... таких здесь – каждый второй, если не первый. И все же что-то не так.

Ладно, пусть... Мне пока ничего не угрожает. Они солдаты... бывшие солдаты моего отца, которые возвращаются домой или ищут лучшей доли, если родной город данхарца разорили, он вполне надеется устроиться здесь. И мне лучше делать вид, что все идет как должно, так будет меньше вопросов.

Они разглядывают меня. Что ж, я буду смотреть тоже.

– Домой, – согласилась я. – К тетке в Эдсбюн. Мой отец

служил у старого лорда Магнуса. А теперь... когда в Ормхольме новый герцог, – мне понадобилось усилие сказать это, – мы с братом решили отправиться к тетке.

– Не хотите служить новому герцогу? – спросил Отер.

– Не твое дело! – буркнул Уилл. – Это наше право. Я клялся служить Магнусу, а не ему!

Отер заулыбался, едва ли не впервые глянул на Уилла с интересом. Кивнул, словно одобряя.

– И кто твой отец?

Уилл облизал губы.

Ну же, Уилл! Мы ведь репетировали это, проговаривали все.

– Мой отец Йостейн Кольбрун, он был оружейником, – сказал Уилл. – Он уехал в Мидсворд вместе с лордом Магнусом и не вернулся. А теперь...

Поджал губы. Почти обиженно, с сожалением. В этом почти не было игры, все эмоции Уилла настоящие, врать он не умеет. Его мать была кормилицей нам обоим, мой отец был ему вместо отца. Уилл на самом деле мне как брат.

– Хм... – Отер поднес кружку с элем к губам, чуть пригубил, делая вид, что пьет. – А вы, значит, леди... дочь оружейника? – и насмешливо поднял бровь.

Он ведь не пьян. Даже близко. И то, что в дверях... Если почувствовала я, он, скорее всего, почувствовал тоже. Запах жженой травы. Огня.

– Она воспитывалась вместе с леди Ингрид, дочерью лор-

да Магнуса, – сказал Уилл. – Вот и нахватались там, как за-
дирать нос. Сложно ей теперь будет.

Уилл тихо фыркнул.

А вот это мы не репетировали, но... должна признать,
Уилл молодец. Это мне стоит быть внимательной.

– И как тебя зовут? – спросил Отер.

– Фолька, – сказала я уверенно, глядя ему в глаза.

– И ты бросила свою госпожу? В такой час?

– В какой час? – удивилась я. – Она выйдет замуж, у нее
будет новая жизнь. Не до меня.

– Хм... Новая жизнь? – Отер понимающе ухмыльнулся,
потер подбородок большим пальцем. – Что ж, если вы едете
в Эдсбюн, то нам по пути.

* * *

Хигги завыли.

Пока еще далеко. Но достаточно близко, чтобы в трактире
притихли. Прислушались.

Отер вытянулся, чуть повернув голову на звук. Так вни-
мательно.

– Голодные... – сказал тихо.

– Боишься? – спросила я.

– А ты разве нет? – чуть даже снисходительно у него вы-
шло. – Много ли людей выжило, встретив хигга лицом к ли-
цу?

Ни одного. Любой увидевший эту тварь умирает от ужаса, сердце разрывается. Их магия так действует.

– В дом они не войдут, – я пожала плечами. – Так что бояться нечего.

– А если мье'тель застанет в пути? – спросил Кадим. Ему вой тварей не очень нравился.

– Жечь костры. Столько огня, сколько выйдет. Они не подойдут к огню. Начертить защитный круг и ждать. Жечь побольше огня и самим закрывать глаза, уши. Если дома – закрыть двери и ставни, тогда хигги не тронут.

Отер усмехнулся.

– И много хиггов тут бродит по дорогам? – спросил он.

– Север опасное место, – сказала я, чуть с вызовом. – Если боишься, тебе не стоило возвращаться.

В его глазах сверкнули синие искры. Страху не было. Нет, его это забавляло. Вряд ли сейчас он принимал мои слова всерьез.

– Они ох'отятся на лью'дей? – спросил Кадим.

– Да, – сказала я. – Так же, как и на Юге.

Кадим хмыкнул с сомнением.

– На Й'уг хозяин человек, а не твар. Йа вырьос в горьод, а не пустыня. В горьод они не прихо'дят. В деревня не прихо'дят. На больших люд'них дорога нет. На-аш атабек Адиль аль-Азам ибн Гариб сил'ный кровь, тварей совсем мальо. Только в пустыня, но туда ниикто не ходить.

И так прищурился мерзко, самодовольно. Его атабек силь-

ный.

Такой сильный, что его даже твари боятся! Сильная кровь, огонь в крови, земли Юга приняли его. Не то что у нас тут... расплодили тварей... Слабый огонь не в силах держать тьму в узде, твари подходят ближе, начинают чувствовать себя хозяевами.

Хуже всего, что данхарец прав. Огня в крови моего отца отчаянно не хватало, Камень Ормхольма долго отказывался признавать его. И признал только после смерти матери, когда лучшей крови не осталось.

У нас в роду только девочки. Отец не местный, не сын хранителя, даже не рёг по крови. Он даже не Магнус. Массимо Манчини, потомок одной из боковых западных ветвей... Магнусом он стал, приехав сюда, по воле короля. Эйгель – фамилия моей матери, отец принял ее, становясь герцогом Рёйгена и частью рода. Частью Севера, иначе бы ничего не вышло. В конце концов, Север принял его.

Этот Искандер ибн Джабаль... тот самый, чужак, которой должен стать моим мужем – племянник хранителя Юга, воспитанный в Мидсворде, в столице... Сильная ветвь, говорят. Но это ничего значит.

Хватит ли у него огня?

Или все его достоинство в том, что он любимчик короля?

За что король так ценит его? Я не слышала ни о каких подвигах...

Но если бы не это, если не безумное обвинение моего от-

ца, я бы приняла такой выбор. Сильная ветвь... Наверно, лучший выбор. Но мой отец не предатель! Он всегда был предан короне. Я не верю.

И не могу принять.

Я не бегу, не скрываюсь сейчас, я не преступница и не бесправная пленница в своем доме.

Я просто выражаю свое несогласие с волей короля. Я знаю, мой отец выбрал для меня другого мужа, Федерико Бурджани, принадлежащего одной из западных ветвей. Он говорил, у меня в большей степени западная кровь, и значит, будет лучше, если мой муж будет таким же, огонь станет сильнее.

Я видела Федерико, он приезжал однажды. Красивый веселый юноша... мы гуляли в саду, проболтали весь вечер, не заметили, как село солнце. С ним было приятно говорить. Не могу сказать, что влюбилась, но он понравился мне, и я...

А теперь мне пытаются подсунуть незнакомца только потому, что король хочет наградить его за что-то.

Наградить мной.

Когда отца вызвали в Мидсворд и предъявили обвинения, от Федерико пришло письмо, в котором он сообщал, что если король пожелает для меня другого мужа, то он не пойдет против воли короля. Испугался? Трус мне не нужен.

Значит, против воли короля пойду я.

Больше не признаю его волю. Со смертью отца что-то сломалось во мне...

Несправедливо.

Эль в кружке чуть горьковатый... хороший эль. Кадим пьет, а Отер лишь внимательно разглядывает меня. Сделав глоток, оттерев пену с губ, Кадим чуть заметно ухмыляется, поглядывая на своего спутника, и легкое снисходительное превосходство в его словах вдруг задевает.

– Думаешь, новый герцог окажется лучше старого? – спросила я.

Кадим кивнул.

– Да. Сил'ный кровь, – он был уверен.

Южанин... он безусловно предпочитает своих.

Но кровь, сама по себе, мало что значит.

Я...

Завыли хигги где-то в лесу. Ближе на этот раз.

За окном стемнело окончательно.

– Когда пойдем спать на конюшню, – сказал Уилл, – нужно будет взять факелы. Не ходить просто так, даже во двор.

Я кивнула. Прислушалась.

Хигги выли, а вот собака молчала. Когда мы только подъезжали, старый лохматый пес у ворот облаял нас с ног до головы. А сейчас тихо. Обычно все собаки отвечают на вой твари дружным лаем, замолкают, только если твари совсем близко.

– Они подходят к самому жилью? – спросил Отер. – В мое детство хиггов можно было встретить только в лесу или в поле.

– В твоё детство?

– При старом герцоге Ульрихе, – сказал Отер.

– Хигги подходили к домам всегда, – сказала я. Что он может знать о Севере?

– Нет, – Отер покачал головой. – Ты не можешь помнить. Это было... лет двадцать назад, не меньше. Тебя тогда ещё не было. Я был ребёнком, конечно, но я помню. Уйти на охоту и заночевать в лесу – было обычным делом. Кто решится на такое сейчас? Зимы были теплее, а пшеницы хватало на всех, не нужно было закупать в Уэйсвике...

Я засмеялась даже.

– Ты как брюзгливый старик! Раньше были чудесные времена, трава зеленее, зимы теплее. А теперь, должно быть, смерть ждет всех нас!

Отер нахмурился.

– Ты просто не помнишь, что было иначе.

– А ты думаешь, те времена можно вернуть? – спросила я.

Я не верю.

Дело не в том, что не могу помнить. Я все же дочь герцога и знаю многое. Знаю, что ещё лет сорок назад на юге Рёйгена, за Эной, были виноградники. Сейчас там и рожь с трудом вызревает. Зимы были теплее, да. И лето дольше.

Кровь ослабла или... я не знаю. Но чужак из Данхара ничего не изменит на Севере. Для того, чтобы Север принял его по-настоящему, он должен быть свой, кровь от крови. Он должен родиться здесь. Только тогда...

Но своего огня в Рёйгене почти не осталось, лишь искры. Обломки старых северных ветвей... Отец искал в старых домах сильную кровь, когда еще рассчитывал найти мне мужа здесь. Такого, которого Камень признал бы. И не нашел.

Чужак этого не изменит. Камень не признает чужака, только огня не достаточно.

– Время покажет, – Отер улыбнулся.

Нам с Уиллом принесли ужин. Хотя от всех этих мыслей кусок не лез в горло.

Я сидела, смотрела, как жадно и с удовольствием ест Уилл. Последний раз нормально ели мы вчера вечером, еще дома. Выехали до рассвета. За день старались проехать как можно дальше, но и по Танзейскому тракту было нельзя, пришлось в обход. К перевалу успели уже в сумерках.

Пока думала об этом и ковыряла рагу, поняла, что Отер куда-то внимательно смотрит.

Женщина с кухни, чем-то обеспокоенная. Она говорила с хозяином, прижимая руки к груди.

Что-то случилось?

А женщина побежала к двери, выскочила на крыльцо.

– Бьярни! Бьярни! – закричала она. – Бьярни, где ты?

И вой за окном, вдруг совсем близко.

Метель разыгралась. Так, что снегом пахнуло в распахнутую дверь.

– Эй, дура! Закрой дверь! – крикнули ей. – Закрой! Метель на улице!

Но женщина и не думала о двери, она кого-то звала. Она выскочила на крыльцо как была, да и босиком.

– Пойду узнаю, – сказал Отер, поднимаясь на ноги.

Я видела, как он вышел вслед за женщиной, прикрыл дверь за собой. О чем-то говорил с ней там, но из зала не разглядеть.

В общей тишине я слышала, как та женщина рыдает, а потом начинает звать громче.

Отер почти силой втаскивает ее внутрь, потом идет к нам.

– У нее сын пропал, – говорит мрачно, облизывает губы, словно размышляя о чем-то. – Говорит, что с собакой играл во дворе, а вот темно уже, но он не вернулся. Говорит, думала, он на конюшне, но там тоже нет. Надо бы, наверно, поискать...

И вроде бы серьезно все говорит, но в уголках губ все равно ухмылка. Глаза сверкают. Азартно так. Чуть-чуть, это он скрыть пытается, но... Не принимает опасность всерьез? По-красоваться хочет?

Придурок.

– Пойдешь, и хигги сожрут тебя, – сказала я. – Ты слишком давно не был на Севере, если не понимаешь.

– Пусть лучше хигги сожрут мальчишку? – Отер прищурился.

– Вас обоих, – сказала я. – Здесь ничего нельзя сделать. Если хигги воют так близко, они уже почувствовали добычу.

Попытаешься отнять и поплатишься. Хорошая мать всегда следит за детьми. Если не научила их до сих пор возвращаться до темноты, им все равно не выжить. Ты не успеешь.

Не то чтобы мне было плевать, но я трезво смотрю на вещи. Я видела все это не раз.

У Отера дернулись ноздри. Зло.

– По-твоему лучше сидеть и ждать?

– По-моему лучше есть, пить, а потом пойти спать. И принять неизбежное. И это, – я кивнула на дверь, – не мое дело.

Отер бросил взгляд на Уилла, и Уилл напряженно вытянулся. Сглотнул. Ему точно было страшно.

– Если пойдешь туда, – сказал шепотом, – возьми факел.

Нужен огонь.

Отер громко скрипнул зубами. Окинул взглядом зал.

Потом бросил Кадиму.

– Найди мне факел.

И без раздумий зашагал к двери. И за дверь, громко хлопнув.

Что ж, он мне сразу не понравился...

Кадим подскочил, потом заметался. К трактирщику побежал, принялся сбивчиво объяснять, и тот принес ему. Еще немного времени ушло, чтобы зажечь факел в камине. Кадим схватил и...

А вот чтобы переступить порог, ему потребовались все силы. Я даже отсюда видела, как ему страшно. Как воет и ревет выюга за порогом, и как воют твари.

А потом такой низкий утробный рык.

Признаться, в тот момент я была уверена, что идти ко-го-то спасать поздно.

Но Кадим собрался с духом и шагнул... Я не стала отговаривать больше.

И не заметила, как и сама оказалась на ногах. Подбежала к двери, прислушиваясь.

Не понять.

Выглядывать не стоит точно, тот, кто встретится взглядом с хиггом, – умрет. Все ставни на ночь плотно заперты.

И даже от закрытой двери веет холодом.

Что-то происходило там. Рев и стальной лязг... и звон, и вой ветра.

И вдруг отчаянный детский вскрик. Вот тут даже у меня оборвалось сердце. Я все надеялась, что парень просто прячется где-то, в амбаре, может быть, уснул, и мать не может найти. Не совсем же он полоумный? Но сейчас не осталось сомнений.

Потом сухой треск.

И вдруг в дверь ударили, словно что-то тяжелое бросили. Потом снова, но тише.

– Запереть! – крикнул кто-то. – Заприте дверь, пока оно не ворвалось!

Хигги никогда еще не врывались в дом, где свет и тепло, но я отлично понимала, как все напуганы. И все бывает впервые... Отер прав, на самом деле, год от года зимы и твари

становятся все злее, кто знает...

Но запереть не успели, в последний момент дверь распахнулась и внутрь ввалился Кадим.

Трясущийся, белый, покрытый инеем, без факела и без своей сабли даже. Упал на колени.

Метель из открытой двери ворвалась. Обожгла снегом. И ужасом, так, что пробрало почти до слез. Захотелось упасть и завывать самой. Люди дрогнули... кто-то даже заплакал.

Где-то за спиной Кадима полыхнуло, словно молния.

Кадим упал. Его втащили за шкурку внутрь и закрыли дверь. Какое-то время он так и стоял на четвереньках, тяжело дыша. Потом его вырвало прямо тут же... потом он чуть было не плюхнулся в это сам. Но его подхватили снова, трянули.

– Ну? – здоровый мужик держал его. – Что там? Хигги?

Кадим закивал мелко-мелко, потом шумно втянул воздух, провел ладонью по лицу.

– Твою мать! – выдал он наконец. – Чтоб я еще раз пошел с ним... мать его! Придурок! Пусть сам разгребает! Хватит с меня!

На чистом уэйском, без намека на акцент.

– Факел-то отдал? – спросил мужик.

– Факел? – на лице Кадима разом паника и недоумение. – Нахрена ему мой факел?

Отер мертв?

Я стояла, смотрела на все это, пытаюсь прийти в себя.

Вдруг поняла, что на улице совсем тихо. Там все замерло. Долго тихо... Потом звуки шагов, похрустывание снега под сапогами. Дверь дернули, но уже закрыто... и снова. Тогда постучали.

– Эй! – окликнул Отер. – Откройте, это я.

Он шагнул на порог в облаке белого пара.

Запах гари... нет... все тот же запах жженой травы. Тот же самый. Запах огня.

Отер стоял спокойно и прямо, держал ребенка на руках. Неподвижного, белого, с безвольно мотающейся головой. И не такого уж и маленького, кстати, лет восемь-десять, должен был понимать, чем такие игры ему грозят.

– Этот где? – спросил Отер сразу.

Этот – Кадим?

– Я здесь, – глухо отозвался тот. – Прости...

Отер скривился, потом кивнул, давая понять, что принял, но у него сейчас дела поважнее. Его глаза сияли синим, почти светились.

– Мальчик жив, но без сознания пока. Его нужно согреть. Где мать?

Люди смотрели на него молча, замерев, не веря глазам. Чуть расступились. Почти благоговейный ужас на их лицах.

– Где мать?! – рявкнул Отер.

Женщина шагнула вперед и тут же упала на колени.

– Господин!

– Теплой воды и одеяла! – потребовал Отер. – Вставай, быстро! Не сейчас.

Еще пару мгновений она стояла так, с ужасом, закаменев, не в силах справиться с собой, только слезы текли по лицу. Потом подхватила, вскочила.

– Сюда, господин!

Отер понес за ней ребенка.

– Да кто ты такой?! – крикнули ему вслед. Зашептались.

– Огонь, – шепнула я Уиллу, который тихо подошел ко мне. – У него в крови огонь Севера.

Глава 2. Идем со мной

Ой ты, вьюга, снег не крути, не крути.

Ой ты, милый, за порог не ходи, не ходи...

Народная песня

Я спала в кровати. И все равно хреново спала.

Вечером идти на конюшню по улице было страшновато, после того, что случилось. Даже с огнем. Поэтому я долго сидела в обеденном зале, почти до последнего. Делала вид, что пью и размышляю о своем. Да и спать не тянуло совсем, слишком много мыслей в голове.

Тихо подошел Кадим.

– Мильеди, – тихо сказал он. – Ви можете взять нашу комнату сегодня. Нам далы другой. Не надо на конюшня.

Я подняла на него глаза.

– Кадим, к чему это? – спросила я. – Ты ведь отлично говоришь на уэйском.

Он вздрогнул

– Вам показалось, – сказал еще тише. – Идите спать.

Саблю он где-то подобрал, кое-как привел в порядок одежду. Но вид у него все равно был измученный и подавленный. Кадим видит в этом позор для себя, как для воина? В том, что произошло...

– Кадим, – сказала я, – это магия, твари бьют магией по нам. Человек этому не может противостоять. Никто бы не справился.

– Да, миледи, – он кивнул и повернулся, собираясь уходить. – Доброй ночи... – но задержался чуть-чуть, переступил с ноги на ногу, сомневаясь, стоит ли говорить. – Простите, миледи, но дело не только в тварях и не в том, как я... – он тихо кашлянул. – Обычный человек бы умер, встретившись с ними, а я выжил. Тут нечего стыдиться. Но плохо то, что мы... с Отером, похоже, недооценили Север. Не думали, что эти твари так сильны. И это значит, все зашло слишком далеко.

Облизал губы. «Обычный человек»? В нем тоже есть огонь? Если и есть, то слабый, я не чувствую на расстоянии. И даже с Отером – мне потребовалось уткнуться в него носом, там, в дверях, чтобы понять...

– Зашло слишком далеко? – все же спросила я.

Он неуверенно улыбнулся.

– Простите, миледи, мне не стоит говорить это сейчас. Но... В Мидсворде понимали, что Север ослаб. Это очевидно по тому, сколько зерна теперь здесь закупают, не хватает своего, по тому, как люди перебираются на юг. Но мы не ожидали, что твари Севера так сильно жаждут крови. В Данхаре не так...

Ну конечно, это я уже слышала – их атабек «сильная кровь». Да. Теперь чужак с юга спасет нас. По воле короля

– спасет.

Я ненавижу короля, и его слово теперь для меня – ничто.
И не хочу снова слушать это.

Мой отец делал все, что в его силах, он был предан короне,
а с ним поступили вот так.

Я почти уверена, королю просто понадобился повод, чтобы возвысить этого Искандера, чтобы наградить его. И какой-то там малейший промах отца при дворе стоил ему жизни.

Только повод и прихоть. И прихоти я не подчинюсь. Лучше останусь верной отцу.

Я не верю...

– Спасибо за комнату, – сухо сказала я.

Кадим кивнул, еще на мгновение задержался.

– Доброй ночи, миледи.

И пошел прочь.

Тогда я посидела еще, допила эль и пошла тоже. Комната и нормальная постель – это как раз то, что мне сейчас надо.

Когда проснулась утром, спустилась, нашла Отера, одиноко сидящего за столом.

Задумчиво ковыряющего что-то в тарелке.

Мрачного. Настолько мрачного, что дальше некуда.

Что не так?

Я подошла.

– Ты тоже обеспокоен тем, как ослаб Север? – спросила я.

Он вздрогнул, с удивлением поднял на меня глаза, моргнул даже. Потом, кажется, понял.

– Это Кадим тебе сказал?

– Да. Что вы недооценили.

Отер фыркнул. Впрочем, фыркнул он тоже очень мрачно. У него круги под глазами, и сам какой-то осунувшийся.

– Нет, не этим, – сказал он. – Об этом я пока не думал. Только... о своем.

– Ты теперь герой.

Он скривился. Промолчал.

Что-то еще случилось? Его геройство вышло зря и мальчик умер ночью? Я слышала женский плач сквозь сон, но...

– Как мальчик? – спросила осторожно.

– Нормально, – сказал Отер тихо. – Очнулся даже. Еще слабый очень... но живой. Обошлось.

Поджал губы, словно и не рад.

– А что не так? – спросила я.

Он качнул головой.

И указал мне на стул напротив.

– Садись. Хочешь пирог? – пододвинул нетронутый кусок.

Я возражать не стала. Села.

Заметила – у него запястья замотаны и сквозь повязку проступает кровь. И я даже знаю, что это...

– Ты ходил за ним? – спросила я.

Отер поймал мой взгляд, вздрогнул снова. Одернул рукава, прикрывая. Нахмурился еще больше.

– Да, – сказал глухо.

Воздух носом втянул. Так, словно не знал, как поступить дальше. Сбежать? Но он сам пригласил сесть.

Значит, Отер ходил на Пустоши, вслед за душой ребенка. И смог вернуть. Успел, пока душа не пересекла реку. Я слышала, что такое возможно, но никогда не встречала человека, который бы справился. Слышала, что возможно, но не встречала. Смерть держит крепко.

– Кто ты такой? – спросила я.

Он чуть скривился, пожал плечами.

– Это не имеет значения.

– В твоей крови огонь, – сказала я.

– Да, – сказал он. – В твоей тоже.

Быстро глянул мне в глаза и снова уставился в тарелку.

И его глаза больше не сияюще-синие, а мутно-серые – это след Пустошей на нем. Это пройдет, но...

– И все же, кто ты? – я не могла оставить это так, мне нужно было знать.

– Отер из Мьёльвуда, – сказал он. – Да, в моей крови огонь. Но мало ли таких? Кровь перемешивалась веками, младшие ветви, побочные дети... ты ведь и сама знаешь. Огонь иногда проявляется и через поколения. Мне досталось тоже. Жизнь сложилась так, что большую часть ее я провел в Уэйсвике, но теперь вернулся домой.

– И что собираешься делать? – спросила я.

Он пожал плечами.

И как-то почти через силу подвинул миску с рагу ближе к себе, зачерпнул, медленно перевернул ложку, глядя, как все стекает обратно в тарелку.

– Для начала верну себе землю, – сказал он. – Потом... буду разводить овец и возделывать поля. Построю дом, найду себе жену, заведу детей... Как все.

И вдруг глянул на меня так, что обожгло.

А ведь отец так долго искал человека, в котором была бы сильная северная кровь. И вот он, сидит передо мной.

– Возделывать поля? – повторила я. – Ты не из тех, кто может просто тихо спокойно жить и ковыряться в своем огороде.

– Как знать, – сказал он. – Я был в Тарве. И... не раз на войне. Если король позовет, то пойду снова. Но моя кровь тянет меня сюда. Моя земля. Всегда думал, что здесь я смогу сделать куда больше, чем в Мидсворде. Больше пользы.

– Ты убил хигга, – сказала я.

– Кажется, убил, – он усмехнулся, потом вздохнул. – Или просто испугал, и он сбежал. Не знаю, меня тоже ослепило вспышкой. Я как-то оказался к такому не готов. Да, мы недооценили. Я не думал, что твари Севера так сильны, думал, это будет проще. Все те истории, которые я помню с детства... Когда-то даже простые люди могли отогнать тварей огнем. Я думал, что для меня это будет легко.

Неожиданно искренне у него вышло. Честно.

– Но ты все равно справился, спас ребенка.

– Да, – согласился он, скривился как-то болезненно.

– И что же не так?

– Все так, – вздохнул. – Устал, наверно. Нелегко далось. Особенно Пустоши, я понимаю.

– Знаешь, – он вздохнул снова, словно собираясь с силами, – глупо все это вышло. Я просто хотел на тебя впечатление произвести. Я когда тебя увидел... еще вечером, во дворе, когда вы с братом приехали... Не знаю, что в тебе такого, но зацепило.

– Ты почувствовал огонь? – я хотела усмехнуться, но голос вдруг подвел, дрогнул. – Тех, у кого в крови есть огонь, всегда неумовимо тянет друг к другу.

Поняла, что горло пересохло и говорить вдруг тяжело. Пожалуй, меня зацепило тоже.

Взяла кружку с элем на столе, отхлебнула... кажется, это его эль, но он простит.

Он смотрел на меня... наблюдал.

– Тянет, – согласился. – И заставляет совершать... странные поступки.

– Ты уже жалеешь, что вышел вчера против хигга? – удивилась я.

Не хочет огласки? Лишней болтовни? Не ожидал, как обернется? Или там, на Пустошах случилось что-то... что-то пришлось отдать?

От этой мысли вдруг заныло в животе. Нет...

– Не жалею, – сказал он, ухмыльнулся, хотя вышло немно-

го вымученно. – Вышел против хигга... О чем тут жалеть? Но теперь, похоже, собираюсь влезть в какую-то темную историю. Ты ведь бежишь от чего-то, правда? И тебе нужна помощь?

И что-то в этом...

– Я не просила помощи! – сказала резко, поднялась на ноги.

– А я и не предлагал, – сказал он. – Но, думаю, нам по пути.

* * *

Я едва успела позавтракать, когда в трактир вошли.

Человек пять, солдаты. Чужие. Из Уэйсвика, это не оставляет сомнений.

Не знаю как, но я тут же нырнула под стол. Успела. Но что теперь?

– За тобой? – спросил Отер спокойно, даже с интересом. – Я отвлеку их. Беги к себе, собирай вещи и прыгай в окно, тут не высоко. Лошадей я выведу, встретимся за конюшней.

Так спокойно и по-деловому, что я на мгновение даже засомневалась.

Что он знает?

Но отказываться от помощи глупо, сейчас совсем не тот момент.

– Хорошо, – я кивнула.

А он встал и пошел к ним. Очень уверенно. Мне некогда было разглядывать, но показалось – они знают его...

Потом подумая об этом, сейчас надо бежать.

Я едва ли не ползком под столами, потом между людьми пробралась к лестнице. Чуть не столкнулась с Уиллом в дверях.

– Там солдаты, – я схватила его за рукав и потащила в комнату. – Наверно, за нами. Нам надо уходить. Отер сейчас лошадей выведет. Идем!

– Отер? – спросил Уилл. – Ты ему доверяешь?

Вот это новости.

– Почему нет?

Уилл нахмурился.

– Не знаю, – сказал он. – С ним что-то не так. С чего бы ему помогать тебе?

– Я ему понравилась?

Уилл усмехнулся, чуть даже с сарказмом.

– Серьезно?

– Думаешь, я не могу понравиться ему? – возмутилась я.

– Можешь, конечно, – сказал Уилл. – Но думаю, тут что-то еще. Я видел...

– Времени нет! – я силой потащила его дальше. – Нам надо бежать!

Вещей у нас совсем мало, мы решили бежать из дома налегке. Так что собраться недолго.

Вылезти в окно во внутренний двор, там как раз на крышу

сарая, и уже с него на землю. Уилл прыгнул сам и помог мне, хотя лазить по крышам мне приходилось.

Осторожно, стараясь не попадаться на глаза. И в условленное место.

Сейчас появится Отер...

– Так он поедет с нами? – сказал Уилл. – Они оба?

– Не знаю, – честно призналась я. – Отер говорил, что нам по пути. Нам действительно сейчас ехать в сторону Мьельвуда, дорога одна. Только потом на Эдсбюн в другую сторону.

– Лучше уехать одним.

Да что не так? Уилл ревнует? Он никогда не признается, конечно, но он мне не брат, как бы там ни было, и всегда ревниво поглядывал на мужчин, которые оказывались рядом со мной. Он говорит, что заботится и охраняет меня. Не то чтобы Уилл мог на что-то рассчитывать, но...

– Уехать без лошадей? – спросила я. – Уилл, прекрати!

– Кто он такой, ты знаешь? – резко поинтересовался он. – Кровь такой силы! Северная кровь! Откуда вдруг? И где он был раньше?

Я чуть прищурилась. Вот, конечно, я понимаю, к чему Уилл клонит.

– Сильная северная кровь, это ведь хорошо? – поинтересовалась я вкрадчиво. – Отец всю жизнь пытался отыскать таких, как он.

– Твой отец искал... – Уилл скривился, его аж передернуло. – Он хотел для тебя лучшего, да? – усмехнулся как-

то нехорошо так. – Ингрид, о чем ты говоришь? Ты что, уже подумываешь выйти за этого чужака замуж? Думаешь, это ты ему нужна? У него тут свои интересы.

– Если его интересы совпадут с моими – я не против! Лучше уж за него, чем за королевского данхарца!

– Ингрид, ты сошла с ума? Ты...

Не успел, запнулся. Послышались шаги и стук копыт.

Отер, а за ним и Кадим, каждый вел по две лошади, две наши и две их.

– Поехали? – Отер передал мне поводья так ухмыляясь. Он слышал? Вот только этого не хватало.

– Надо торопиться! – Я вскочила в седло.

Сначала мы ехали рядом с недовольно бурчащим Уиллом, потом Отер поравнялся с нами.

И сначала все равно по дороге, тут нет других путей, иначе рискуешь увязнуть в снегу. Потом собирались выйти к деревням, после Ярпинского холма, и пойти в обход, по местным тихим тропам.

– Отчего ты бежишь... Фолька? – Отер ухмыльнулся, давая понять, что мою игру в дочь оружейника пока принимает, но не верит. – Что ты сделала, что за тобой послали солдат?

– Я ничего не сделала.

– Тогда зачем они ищут вас? Только не говори, что ищут не тебя, ты бы не пряталась под стол.

– Вероятно, они считают, что мы можем знать что-то полезное, – сказал Уилл.

– Да? – заинтересовался Отер. – И что же вы знаете?

– Ничего, – сказал Уилл. – Они ошибаются. Что мы можем знать? – Как-то у него очень резко вышло, тут засомневалась даже я. Он что-то скрывает? – А может быть, леди Ингрид волнуется о своей служанке, – Уилл чуть прищурился, глядя на меня. – Вдруг твари сожрут ее?

– Служанке? – возмутилась.

– Компаньонке, – буркнул Уилл и пожал плечами. – О, да! Ты всегда сама считала себя госпожой. Так что ты сказал им, Отер?

– Сказал, что видел здесь какую-то девушку вчера, но на дочь герцога она не похожа.

– И они поверили?

– Как знать, – Отер пожал плечами.

– Это не наши люди, – сказала я. – Не из Ормхольма. Они все из Уэйсвика, не северяне.

– Да, – согласился Отер. – Они пришли с новым герцогом. Искандер ибн Джабаль послал их.

Так он уже называет себя герцогом? Без признания Камнем – он здесь никто.

И все же новость заставила вздрогнуть.

– Он уже здесь?

– Да, – сказал Отер серьезно. – Вчера утром прибыл в Ормхольм.

И ищет меня. Без меня с Камнем ему не справиться, нужен проводник.

Только слишком быстро...

Это значит, времени у меня немного. Совсем нет. Нужно что-то решать.

– Мне показалось, ты знаешь этих людей, – сказал Уилл.

– Не всех, – Отер улыбнулся. – Одного, Джейка, я знаю, встречались под Тарвой. Я многое успел повидать.

– Отер, а ты не боишься ехать с нами? – спросила я. – Если они найдут нас, что ты будешь делать?

Он глянул на меня с легким удивлением.

– Я вполне способен за себя постоять.

– Будешь драться?

– Если понадобится.

– За нас?

Он засмеялся.

– Пока вы мне нравитесь больше, – и чуть склонил голову, выражая почтение. Такой очень привычный небрежный придворный жест...

– Их пятеро, – сказала я.

– Семеро, – он усмехнулся. – Всего. А нас четверо. И у троих из нас есть огонь в крови.

– Четверо? – удивился Уилл.

– Четверо, – согласился Отер. – Фолька ведь умеет держать оружие в руках? Я слышал, женщин Севера учат сражаться наравне с мужчинами.

– Огонь... – меня заинтересовало другое. – А ведь Кадим... он тоже?

– Да, – сказал он. – Огонь слабый, но есть. Достаточно, чтобы посмотреть твари в глаза и остаться живым.

Золотой огонь Юга. Я не замечала этого огня в глазах... но и не всматривалась.

Оглянулась. Кадим ехал молча, чуть позади. Чуть отстраненно.

– Кадим... – я не сразу решила, как лучше спросить. – Он ведь хорошо говорит на уэйском? Зачем тогда эти игры вчера?

– Говорит? – Отер усмехнулся, слегка снисходительно, оглянулся на Кадима. – Проболтался? Ну, что ж... У него есть причины прятаться, как и у тебя, Фолька. Не привлекать внимание к себе.

– Кто он? – спросила я.

– Сын одного из мелких данхарских вельмож, большую часть жизни провел в Мидсворде. Мы воевали вместе, многое прошли... Он храбрый парень, особенно когда дело доходит до сражений с людьми. Твари немного не по его части. Но слишком принципиальный... – Отер вздохнул.

– Это плохо? – удивилась я. – Мне казалось, иметь принципы – это важно.

– Важно, – Отер потер подбородок. – Для одинокого свободного рыцаря без своей земли, без семьи и ответственности перед людьми. Честно служи королю – это все, что тре-

буется. И если ты честно сложишь голову – это ничего в мире не изменит. Никто не останется без защиты, никто не станет голодать, если ты умрешь. А вот если ты отвечаешь за кого-то, все меняется. Не твои личные принципы важны, а жизни людей. – Он окинул меня взглядом, ухмыльнулся. – Тебе ли не понимать?

Он знает, кто я. Без сомнения – знает.

– Тебе приходилось отвечать за людей? – спросила я.

– Я командовал людьми, – сказал он. – На войне.

* * *

Дети хозяйки буквально ползали по нему. Отер сидел на полу, на старой овечьей шкуре, а они... трое... впрочем, девочка чуть старше и держалась более независимо. И все равно сидела рядом, слушая байки Отера с нескрываемым восторгом.

Он рассказывал про драконов в Изумрудных горах Данхара. Сказки. Никаких драконов там нет. Но рассказывал так интересно, что заслушаешься.

Мальчишкам было года по четыре, не больше, совершенно одинаковые, белобрысые, один по спине залез ему на плечи и сейчас сосредоточенно дергал за уши. Другой сидел у Отера на коленях, пытался поймать и укусить Отера за руку, но тот выворачивался, успевая пощекотать мальчишке бока. Удивительно...

Огонь в крови.

Я всегда знала, что огонь привлекает людей, эта сила привлекает, заставляет тянуться. А дети куда более открыты. Но никогда не видела такого раньше, чужие дети никогда не пытались вот так залезть на руки моему отцу. Впрочем, отец был герцогом, а этот... обычный парень, который попросился на ночлег. С ним проще.

Мы остановились в деревне этой ночью.

В доме одинокой женщины, муж которой ушел по зову короля и пока не вернулся. И кто знает, вернется ли вообще. Ей приходилось нелегко, но денег с нас она брать не хотела – нельзя оставлять путников на улице зимой, этот закон чтят все на Севере.

Отер предложил помочь, хоть чем-нибудь в благодарность, а заодно и всех как-то незаметно пристроил в дело. Уилла – чистить наших лошадей и посмотреть, не надо ли там что. Кадима отправил наколоть дрова, просто сунул топор в руки, чуть приподнял бровь, да так, что тот даже возражать не пытался.

Меня только окинул взглядом.

– Ты сама смотри, – улыбнулся. – Если можешь что-то сделать, то сделай. За гостеприимство следует отблагодарить.

– Я могу заплатить.

– Деньги – это не то. Заплатить не сложно, – сказал Отер. – Если не знаешь, что делать, пойдем просто со мной поси-

дишь. Там на крыльце, я видел, ступенька сломана, а в сарае наверняка есть инструменты и доски. Попробую починить, а ты развлечешь меня беседой.

Разве мы не наговорились еще по дороге?

Или ему важно наедине?

Интересно, но руки у Отера действительно росли из правильного места, и он точно знал, что делать, работал уверенно.

– Ты был плотником? – спросила, встав рядом, наблюдая, как он меняет прогнившую доску.

Поднял голову на меня.

– Корабельщиком. Нам нужны были корабли, и никакие руки тогда не были лишними. У Эль-Судра. Так что и я научился тоже.

– Ты строил корабли? Мне казалось, ты воин?

Он усмехнулся, весело, но как-то... с иронией.

– Мы победили тогда. Этого достаточно. Задача воина – сделать все для победы. Если нужно строить – то строить. Если нужно копать – то копать.

– Разве для этого нет специально обученных людей?

– Есть, – сказал он. – Но людей не всегда хватает. И если слишком много ждать, пока другие все сделают за тебя, твоя жизнь пройдет мимо. Ты упustiшь важное.

Наверно, так. Я сразу не нашла что ответить. Просто стояла, смотрела, как он делает это.

– Ты дочь Магнуса, – сказал он вдруг, глянул на меня и

снова принялся гвоздь заколачивать.

– Что? – я чуть опешила. Понимала, что он знает, но сейчас не ожидала такого вопроса. – С чего ты взял?

– Сегодня утром люди из Ормхольма искали леди Ингрид. И ты отлично подходишь под описание. Начать хотя бы с того, что в тебе много западной эгорийской крови, темные волосы, темные глаза, отливающие красной медью, и отблески алого огня в глазах. Ты не похожа на северянку.

– Огня? – вот уж никогда не замечала, и сейчас не разглядеть.

– Не бойся, я не выдам тебя. Мне это не нужно.

– А что нужно? Что ты собираешься делать?

– Наверно, ничего, – он пожал плечами. – Посмотрю, что будет дальше.

– Посмотришь? – Нет, неопределенность меня точно не устроит. – Я хочу знать сейчас.

– Да брось, чего ты боишься? Мы поедем вместе, пока нам по пути, а потом... Разойдемся в разные стороны? У меня были свои планы, буду придерживаться их. А ты – решай сама. Для такого, как мы, очень важна свободная воля, любое принуждение гасит пламя.

– Свои планы – это вернуть свою землю, дом, и...

– Найти жену, – закончил он, глядя на меня.

– Ты... – я запнулась, сама не понимая, что хочу сказать. Меня голос подвел, почему-то вдруг представила, как он обнимает другую, и...

Но справилась.

– На Севере много достойных девушек, – сказала почти твердо.

А он вдруг поднялся на ноги, шагнул ближе ко мне и оказался совсем близко.

– Да, – сказал тихо. – Вообще-то я одну девушку уже нашёл.

И словно обожгло.

Да что он о себе возомнил?! Я дочь герцога, а он...

Он смотрел на меня. В глаза. Словно ждал ответа.

– Да как ты... – только и смогла выдавить я. И никакого ответа не нашла.

Его глаза смеялись.

Я сбежала в дом.

«Как ты смеешь?»

Но огонь в его крови стоит больше любых отцовских земель.

Потом мы ужинали... и я почти не смотрела на него. Не слушала, что он говорит, тем более, что говорил не мне. Какие-то байки о далеких берегах, о Данхаре, о Тарве, о войне... Какая-то чушь о его детстве, о его братьях... у него есть братья, оказывается... О том, как изменился Рёйген за последние годы.

О чем я думаю вообще?

Да ему не я нужна! Он же знает, кто я. Ему нужны зем-

ли моего отца, я ведь наследница... Или не наследница уже? Волей короля эти земли отданы чужаку, а я просто приложение к этим землям. В довесок. Сама я ничего не стою?

Или нет?

В этом Отере сильная кровь, и Ормхольм может признать его.

Север может признать.

И тогда уже король ничего не сможет с этим сделать.

Или сможет? Что я вообще в этом понимаю? Если Искандер ибн Джабаль его любимчик и король захочет во что бы то ни стало поставить его здесь, то что? Война с Севером? И кого поддержит Север тогда? Моего мужа? Выступит против короля?

Да и не будет никакой войны, это я просто наивная дурочка.

Если я приведу мужа в Ормхольм, его там тихо прирежут, и никакой огонь не спасет.

Да и не будет...

Боги... неужели я уже реально планирую выйти замуж? За... неизвестно кого, первого встречного. Что я вообще о нем знаю? Ничего.

Я с тем же успехом могу пожелать выйти замуж хоть за... Кадима. Тоже данхарец и тоже где-то там, говорят, есть капля огня в крови.

Да хоть за Уилла? Я знаю его всю жизнь! Уж он точно никогда меня не обидит и всегда будет верен мне.

Но с Уиллом я с самого начала понимала, что стоит мне заикнуться и... Это верная смерть для него. Ему не простят такого шага. Он простой парень, и ему нечем защитить себя. Ни имени, ни денег, ни огня. Он не может быть герцогом.

Отер сидел на старой шкуре на полу. Дети дергали его за уши, так увлеченно.

Я вдруг подумала... он был бы хорошим отцом.

Не знаю, какой бы из него вышел правитель, какой бы землеша, если уж он собирался пахать поля. Воин хороший.

И хороший отец. Наверно, куда лучший, чем мой... Мне этого в детстве очень не хватало. У меня не было матери, и отец... он вечно был занят. Нет, я ни в чем не обвиняю его, у него свои дела и заботы, у меня хватало нянек. Отец, думаю, просто не очень понимал, что делать со мной, была бы я мальчиком – еще куда ни шло. Но с девочкой – как? Он интересовался моими успехами, гладил меня по волосам, спрашивал, как прошел день...

Он единственный родной человек, который у меня был.

А смогу ли я увидеть, как растут мои дети? Или для меня все закончится так же, как для моей матери? И моей бабки? В нашем роду совсем мало детей и женщины не живут долго.

Мне вдруг стало страшно.

Не умирать даже. А то, что все это будет без меня...

Раньше это было слишком далеко, я не собиралась замуж, и уж тем более детей... Мне казалось – ерунда, как-нибудь

решится... потом. А вот теперь я сама задумалась о браке. И от этого никуда не деться.

Ровно девять месяцев моя мать прожила со дня свадьбы. Бабка чуть больше, но...

И как-то почти до слез. Как-то вдруг дыхание перехватило, закололо сердце. И защипало глаза. Да что... Никогда такого не было! Не помню, когда ревела последний раз. Я дочь герцога, мне не положено реветь!

Тихо встала.

– Я сейчас вернусь... – шепнула тихо.

Глава 3. Будь моим

И затрубят трубы по всему Северу, и поднимутся знамена.

Все под его рукой.

Из Откровения Хьернбори Бесноватого

Он вышел за мной.

Я стояла на крыльце, подставив лицо холодному ветерку... Сегодня тихая звездная ночь, можно не бояться выходить из дома. Можно немного подышать.

Что на меня нашло?

Наверно, только сейчас я впервые осознала, что тихие и безмятежные времена закончились, отца больше нет рядом, и не будет... нужно самой что-то решать. У меня не выйдет вечно бежать и прятаться... А даже если выйдет, то какова цена? Всю жизнь прожить одной?

Я не знаю, как быть.

– Ингрид? – тихо подошел, встал рядом. – Что-то случилось?

Я покачала головой.

Он осторожно дотронулся до моего плеча.

– Плохие воспоминания?

Пальцы у него теплые, это ощущается даже сквозь одежду.

И это внезапно так успокаивает. Тепло...

– Все хорошо, – сказала я. Слишком личное, чтобы говорить о таком. Тем более с мужчиной.

– Ингрид... – он стоял чуть позади, касаясь моих плеч ладонями... так близко. – Ты можешь все сказать мне, нечего бояться. Если наши пути скоро разойдутся и мы не встретимся, то какая разница, что подумает о тебе незнакомец? А если ты все же захочешь остаться со мной... – он осторожно погладил плечо кончиками пальцев, – то тем более не стоит молчать. Может быть, я смогу помочь тебе.

И так хочется рассказать. Даже больше, хочется чуть откинуться назад, прижаться к нему спиной, ощутить это тепло всем телом.

Да что же происходит со мной? Только вчера я увидела его впервые, и он сразу мне не понравился. Я ничего о нем не знаю. Что это – судьба или какой-то морок?

Мой единственный шанс?

– Это из-за детей, да? – шепотом спросил он, я почувствовала его дыхание мне в ухо. – Ты боишься, что может плохо закончиться для тебя?

Я вздрогнула. И не выдержала, развернулась к нему. Мне нужно видеть его глаза, понимать...

Он мягко улыбнулся.

– Ингрид, я знаю, что женщины, в которых есть огонь, часто умирают при родах. Это тяжело. Чтобы зажечь новый огонь, требуется много сил, иногда больше, чем женщина

может дать. Пламя сжигает. Но я не позволю тебе умереть. Все будет хорошо.

– Да что ты... – хотелось дернуться, психануть. Да что он может в этом понимать?

Но я лишь чуть подалась назад.

– Не убегай. Посмотри на меня, – сказал он спокойно. – У меня есть младший брат и две сестры. Есть двоюродные братья, трое. Моя мать жива и здорова до сих пор. Огонь горит в ней. Каждый раз, когда ей приходила пора рожать, отец садился рядом и держал ее за руку. Он научил меня, что нужно делать. Как поделиться силой, как не дать провалиться во тьму, не позволить уйти. – Он вытянул руку, повернул порезанным запястьем ко мне. – Ты ведь видела. Это работает и с обычными людьми, но тут, как раз, просто совсем. Нужно лишь быть рядом.

Это безумие почти.

Я смотрю ему в глаза... и сопротивляться почти невозможно. Кажется, сама судьба послала его.

И все же, в этом видится какой-то подвох. Слишком хорошо. Это не может быть случайностью.

Я... не знаю... мне нужно подумать. Наверно, отвлечься, выдохнуть чуть-чуть. Я не готова.

У него мелкие шрамы на щеке... Я даже потянулась, разглядывая. Мне нужно поговорить о чем-то еще, и время все осознать.

– От чего это? – дотронулась до его кожи. – Тебя ранили

в бою?

Он засмеялся, легко сощурился левым глазом.

– Нет, ничего героического, – сказал, довольно улыбаясь. – Мы с братом подрались, еще в детстве, он кинул в меня каким-то глиняным горшком, промахнулся, но тот горшок разбился, а я споткнулся в тот момент. И щекой в осколки. Он испугался тогда еще больше, чем я, крови было... Но ничего страшного, как видишь, все закончилось хорошо.

Улыбался. Это обезоруживало.

Я ему верю?

Он сам дотронулся до моих волос, поправил выбившуюся прядь, так осторожно, словно боясь спугнуть мое доверие.

На его пальце сверкнуло кольцо.

– А что за кольцо у тебя? – спросила я. Видела что-то подобное, иногда в кольцах таится древняя магия, иногда с ее помощью можно подчинить волю других людей. Или заставлять других видеть не то, что есть на самом деле.

И я сама видела что-то такое, но очень давно... какой-то человек... мне тогда даже показалось – оборотень, он надевал кольцо и становился кем-то совсем иным. Но подробностей я уже почти не помню.

Отер усмехнулся, но не испугался, что я раскрыла его секрет. Показал мне руку.

– Оно защищает в бою, – сказал спокойно. – Досталось мне от отца. Но на самом деле очень старое.

– Защищает в бою?

Наверно, все недоверие отразилось на моем лице и в словах, потому что он весело фыркнул.

– Ты в чем-то сомневаешься?

– Не знаю, – сказала я. – А ты можешь его снять ненадолго?

– Не доверяешь? – сказал он, впрочем, его это не обидело. – Конечно, могу.

Я смотрела внимательно.

Снять ему удалось не сразу, кольцо сидело на пальце плотно, пришлось покрутить. Я даже подумала – сейчас он скажет что-то о том, что «прости, не выходит». Откажется, найдет предлог. Но он вдруг снял. Легко подкинул на ладони, потом протянул мне.

– Держи, – сказал совершенно спокойно. – Можешь даже примерить. Только потом верни, оно мне дорого.

Кольцо было теплым, но это, скорее всего, только тепло его рук. И да, сила в нем была, я чувствовала. Но та ли сила, о которой он говорил, или что-то другое?

И ничего не изменилось.

Он все так же улыбался, глядя на меня. Немного насмешливо. Не превратился в чудовище, не стал выглядеть иначе. Ничего.

– Примерь, – сказал он.

Вот уж – надевать чужие магические кольца, это верх глупости.

– Нет, – сказала я. – Не хочу. Просто посмотреть... Оно

ведь данхарское?

Орнамент данхарский, немного стертый от времени, но вполне различимый.

– Да, – сказал Отер. – Насколько я знаю, это военный трофей моего прадеда... или прапрадеда.

– Значит, тому, с кого твой прадед снял это кольцо, оно не слишком помогло в бою?

Отер засмеялся снова, довольно так. Кивнул, чуть прикусив губу, чуть прищурившись.

– Видимо, нет. Но мне нравится думать, что от него все же есть польза.

– Сила в нем есть, – сказала я.

– Есть. А знаешь, ты мне действительно нравишься, у тебя пытливый ум.

– Возьми, – я протянула ему кольцо. Хватит, мне голову не задурить. – Чего ты хочешь? Власти? Ты ведь знаешь, кто я. Знаешь, что меня ищут. Так что понимаешь, чем это может закончиться для тебя. Не боишься, что Искандер из Данхара найдет и убьет тебя?

Кольцо он надел, потом взял меня за плечи, притянул к себе. Еще не обнял, но очень близко.

– Боюсь, если откажусь от этого, потеряю куда больше, – сказал тихо, проникновенно, глядя мне в глаза. – Хочу рискнуть.

Я говорила с Кадимом потом, когда мы снова тронулись в путь.

– Кадим, – поравнялась с ним на дороге, поехала рядом. – Я хочу узнать об Отере. Что он за человек? Ты его давно знаешь?

Кадим удивился вопросу, даже нахмурился немного. Оглянулся, словно ожидая, что Отер тоже может слушать.

– Я сражался под началом Отера под Хевраном, – сказал он. – Он сильный и храбрый воин.

В этом я не сомневаюсь, но мне другое важно знать.

– Что он за человек?

– Что за человек? – Кадим нахмурился еще больше. – Он довольно жесткий человек, миледи. Упрямый. Умный человек. Всегда получает то, что задумал. Привык получать и знает, как добиться. Ни перед чем не остановится, – Кадим немного вздохнул. – Я знаю, он всегда нравится детям и... женщинам. От этого кажется, что он другой, более... мягкий. Не знаю, как сказать. Но это не так. Да, он любит детей, и это искренне, умеет находить к ним подход, развлекать их. Женщин он тоже умеет... развлекать. Но это, пожалуй, личное, мне не стоит. Он может быть мягким и нежным с женщиной, но не в делах.

И быстро оглянулся на Отера, который ехал неподалеку.

– Ты сейчас говоришь так, словно боишься, что ему не понравятся твои слова, – сказала я.

Кадим кивнул.

– Возможно, не понравятся. Но он знает, что я не буду молчать.

– Он говорил, что ты очень принципиальный человек, Кадим. Излишне принципиальный.

Кадим усмехнулся.

– Может быть. Но я не думаю, что излишне.

– Он сказал, принципиальность хороша лишь для одинокого рыцаря без своей земли и обязательств перед кем-то, кроме короля.

– Я и есть одинокий рыцарь, – сказал Кадим. – У меня ничего нет. Мой дом разорили, моя семья умерла. Отер сказал мне, что у него на Севере есть земля, и предложил поехать с ним. И я поехал. Мне нечего терять.

– Ты служишь ему?

Это не дружба, очевидно.

Что ж, если Кадим воевал под его началом, и теперь...

– Да, – сказал он. – Служу.

Словно королю.

Да кем этот Отер себя возомнил?

– Миледи, – сказал Кадим еще. – Я знаю, почему вы спрашиваете меня об этом. Я хочу сказать... – облизал губы, – своих он не предаст. Если пообещает защищать вас, то так и будет. Вы нужны ему. Подумайте, может быть, и вам нужно того же?

– И что же нужно Отеру? – спросила я. – Север?

– Он хочет лишь вернуть свои земли, – сказал Кадим. Вероятно, и не только свои. Амбиций ему не занимать.

Что ж... Если смотреть правде в глаза, я действительно хочу того же, Кадим прав. Самый удобный способ пойти против воли короля – это выйти замуж за другого и помочь ему обрести власть. Это моя земля. И я не позволю никому ее забрать.

Я говорила с Уиллом.

– Да ты с ума сошла? – воскликнул Уилл. – Кто он такой? Ты его не знаешь. Как можешь доверять ему?

– Я не доверяю. Но, может быть, у нас с ним общие цели? Я хочу сделать так, чтобы планы короля не удались. Он казнил моего отца, но я не подчинюсь ему. Лучше я выберу себе мужа сама. Любого. Главное, не того, которого он хочет.

Уиллу это не нравилось.

– Не делай глупости, – сказал резко. – Мы ведь собирались сбежать на запад, в Эгору, найти семью твоего отца, найти дона Рикардо. Они помогут нам. Семья сделает куда больше, чем какой-то оборванец, пусть и с огнем в крови.

– Семья откажется от меня так же, как отказался Федерико. Не станет связываться, у них свои интересы. Я никогда не видела этого дона Рикардо, а он не видел меня. Зачем ему мне помогать?

– Твой отец доверял ему. Он его дядя, он... Ингрид, он твоя семья, может быть, все, что у тебя осталось. Не отказы-

вайся сейчас. Уехав в Эгору, ты будешь в безопасности. Нам нельзя здесь оставаться.

Я никогда не думала об Эгоре всерьез, не думала, что мы доедем туда. Уилл предложил, и я согласилась, но это... Я верила, что найдется другой путь.

– Нет, – сказала я твердо. – Знаешь, как будет? Даже если этот дядя Рикардо примет меня, он найдет мне мужа такого, какого захочет сам. Какой будет отвечать его интересам, не моим. Возможно, такого, который не побрезгует приютить сироту, потерявшую дом, без гроша за душой. Возможно, такого, который не побоится заявить свои права на Рёйген. Меня в любом случае заставят подчиниться и быть благодарной. Я не хочу так. Не хочу быть маленькой фигуркой в чужих играх. Лучше уж я выберу себе мужа сама.

– Дура! – буркнул Уилл. – Ты и так станешь игрушкой. Этот Отер использует тебя, разве ты не видишь?

Я едва удержалась, чтобы не врезать ему. Но это Уилл, да, он всегда такой. Всю мою жизнь. Мы дрались с ним в детстве.

– По крайней мере, это мой выбор, – сказала я. – Мы заключим договор.

Я говорила с Отером потом. Прямо и откровенно.

– Если ты станешь моим мужем, – сказала я, – то сможешь заявить свои права на Север. Не королю, конечно, а Камню Ормхольма. Если Камень примет тебя, то другого уже не примет, пока ты жив. Меня Камень признает, но не при-

нимает в полной мере, мне не хватает огня, да и мой огонь чужой для Севера. Во мне куда больше эгорийской крови, чем рёйгенской. А в тебе правильный огонь. Этому Искандеру придется убить тебя, чтобы занять твое место, иначе герцогом ему не стать. Король может сколько угодно поддерживать его, присылать войска, но сама земля не поддержит. Если он попытается отнять силой, тут начнется хаос. Ты не боишься?

Отер слушал внимательно, серьезно, только чуть улыбаясь.

– Ты так говоришь, словно предлагаешь мне сделку.

– Я и предлагаю, – сказала спокойно, это деловой разговор. – Каждый из нас получит свое. Только не говори, что планировал жениться на мне и увезти в Мьёльвуд пасти овец.

– Почему бы и нет? – он ухмыльнулся шире. – Ты не допускаешь, что меня интересуешь только ты сама?

– Не допускаю, – сказала я. – Я, конечно, могу тебе нравиться, но ты не можешь не понимать, что за мной стоит. И от этого уже не отвернуться и не забыть. Никогда. Ты не мог не думать о том, чтобы получить весь Рёйген.

Отер пожал плечами.

– Не мог не думать, – согласился он. – Если это сделка, то что ты хочешь взамен?

– Голову Искандера, – сказала я.

Отер вдруг засмеялся.

– Ты так кровожадна? Почему? Ты не знаешь его, не зна-

ешь, что он за человек. И сразу готова убить?

Я вздохнула.

Да, я не знаю. И дело, по большому счету, не в нем самом, не в этом южанине.

– Потому, что он всегда будет угрозой для меня. Человек, которому обещали герцогство, – не отступится и не забудет. А я не позволю ему забрать. Значит, он теперь мой враг.

– А врагов нельзя оставлять в живых, иначе, даже поверженные, они придут снова? – закончил за меня Отер.

Где-то я уже слышала эти слова, вот именно так.

– Да, – сказала я. – Нельзя.

– Понимаю, – согласился Отер. – Это твое право. Но только ли это? Или еще личная месть?

– И месть тоже, – сказала я. – Королю. Он убил моего отца, а я убью его человека. Я знаю, что король ценит его и хочет наградить. Не выйдет. Он выбрал неподходящую награду. Я не позволю так поступать со мной.

Отер кивнул, потер подбородок.

– Что ж, я понимаю твои чувства, – сказал он.

– И? Ты согласен? – потребовала я. – Скажи сейчас. Если ты боишься, то не стоит больше говорить об этом. Тогда наши пути разойдутся. Езжай в Мьёльвуд к своим овцам!

Он засмеялся снова.

– Ты сурова, Ингрид.

Да.

Я ждала. Он сомневался, я видела. Убить поставленного

королем герцога – значит открыто выступить против короля. И против всей мощи Уэйсвика разом. Это серьезный шаг, обратного пути уже не будет. Король ответит на это, и не пощадит. Для такого шага нужна сила.

Отер сомневался. А это значит две вещи: к такому шагу он не очень готов, а еще – он серьезно относится к обещаниям. Другой мог бы наобещать чего угодно, а потом сказать, что «не вышло, прости».

– Ты хочешь клятву на крови? – спросил он.

Я даже вздрогнула. Нет, я не думала об этом. Такая клятва связывает и не оставляет выбора. Если потом он захочет отказаться следовать клятве, его жизнь будет в моих руках, я смогу убить его одним словом.

Отер смотрел мне в глаза.

Это слишком... нет. Я не знаю, как повернется, к чему на самом деле все это приведет. Я хочу этого, но... Это слишком большая власть над чужой жизнью, наверно, я боюсь...

– Будет достаточно твоего слова, – сказала я.

Он усмехнулся, чуть-чуть совсем, уголком губ. Чуть снисходительно.

Покачал головой.

Потом достал нож и, прежде чем я успела остановить, полоснул по левой ладони, выступила кровь.

– Ингрид Эйгиль! – сказал он твердо. – Я хочу принести клятву тебе. Если ты станешь моей женой, я обещаю передать жизнь Искандера ибн Джабаля в твои руки. Я приведу

его к тебе и поставлю на колени. И ты решишь сама. – Он протянул руку мне. – Ты принимаешь мою клятву?

Мне даже не по себе стало, сердце дрогнуло.

– Не нужно, – сказала я. – Только твое слово. Зачем так?

– Я хочу, чтобы ты верила мне, – сказал Отер. – Так принимаешь?

Отказываться сейчас неправильно, да и глупо. Я ведь хотела сама.

– Принимаю, – сказала я. Коснулась его ладони.

И кровь на мгновение вспыхнула, обжигая руку, закрепляя слова.

Глава 4. В горе и в радости

*Эй, да ветры буйные
Да снега белые.
Ой, да ты, подружка наша,
Да подруженька,
Эй, да зачем же рано во замуж пошла?*

Народная свадебная песня

Вечером, в трактире, я слышала, как они орали друг на друга.

Вернее, не то чтобы орали, но Кадим очень настойчиво пытался Отеру что-то доказать. Он слышал клятву, и ему это не понравилось. Как только появилась возможность, он оттащил Отера в сторону, за порог. Я почти не слышала того, о чем он говорит, только отдельные слова. Не подслушивала, просто он говорил слишком громко.

«Откажись!» «Да ты с ума сошел? Что ты творишь?» «Давай уйдем, пока не поздно!»

Если Отер не женится на мне, его клятва не будет иметь силы, это условие.

«Поздно», – сказал Отер.

Кадим пытался ему что-то доказать. Сначала на уйском, потом, когда Отер одернул: «Все слышат, прекрати!» – Ка-

дим перешел на данхарский. Отер слушал, изредка по-уэйски что-то тихо отвечал, но это значит, он понимал данхарский отлично. Ничего удивительного, наверно, это я нигде не была, а он...

Отвечал, а потом, когда, очевидно, устал Кадима слушать, вдруг рывкнул по-данхарски сам, что-то страшное, очень резкое, всего несколько слов. Так, что даже мне, за стеной, захотелось пригнуться. И вышел. Вернее, зашел в дом, хлопнув дверь.

Увидел меня.

Я не подслушивала.

Но и прятаться сейчас не стану.

Он окинул меня взглядом с ног до головы.

– Сейчас начнем, – бросил коротко. Глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться и прийти в себя, разговор с Кадимом дался ему нелегко. – Сейчас, только умоюсь...

Дернул головой и быстро пошел вверх, в комнату.

Я пошла за ним, он не возражал.

Там у окна на столе ведро с водой и кувшинчик. Видела, как Отер зачерпнул, плеснул себе в лицо. Потом снова. Оперся ладонями о стол.

– Отер? – позвала я. – Ты сомневаешься?

– Нет, – сказал он. – Не сомневаюсь. Не бойся, я не отказываюсь от своих слов.

– Я не боюсь, – сказала я. – Только хочу понять. Кадим сказал, что ты упрямый, привык получать все, что задумал.

– Да, – сказал он. – Так и есть.

– Отер... если сейчас... – я и сама точно не понимала, что хочу сказать, видела только, что все идет не так... не очень правильно.

– Нет, – он очень быстро повернулся, подошел ко мне, взял меня за плечи. – Все правильно, не сомневайся. Сейчас мы пойдем, принесем клятвы друг другу перед всеми и станем мужем и женой. Так и должно было случиться. Тебе точно нечего бояться.

– А тебе?

Наши жизни отныне будут связаны. Уверена ли я?

Его пальцы чуть сжались на моих плечах, но он вовремя опомнился, отпустил меня. Дернулся кадык, ноздри дрогнули. Он пытался то ли решиться на что-то, то ли просто взять себя в руки.

И что-то в нем изменилось, едва заметно. Но потеплело.

Он даже улыбнулся мне, только я не поверила этой улыбке.

– Не бойся, Ингрид, – сказал Отер тихо, очень мягко. – Все хорошо. Я уверен, что сама судьба свела нас. Я сделаю все, чтобы ты не пожалела о своем решении. Чтобы вернулась в Ормхольм полноправной хозяйкой. Чтобы жила счастливо. Чтобы увидела, как растут твои дети и внуки. Ничего не бойся. Мы сейчас пойдем, и я повторю это перед всеми, но сейчас я хочу сказать это тебе. Наедине. Я делаю это не потому, что вижу выгоду для себя... хотя и это тоже, мы взрос-

лые люди и все понимаем. Я делаю это потому, что только увидев тебя, я... наверно, никогда уже не смог бы забыть. Я понимаю, мы знакомы-то всего два дня, и говорить о чем-то серьезном... — он поджал губы, покачал головой. — Я уверен, мы все делаем правильно.

Он смотрел на меня, сверху вниз... я чувствовала тепло его ладоней. Вдруг подумала, что мы ведь женимся, а значит, совсем скоро, уже через несколько часов в этой спальне мы...

От этой мысли, от тепла его рук, от его взгляда — уши вдруг начали неуволимо краснеть.

И он вдруг улыбнулся совсем иначе, очень искренне. Наклонился, поцеловал меня в лоб. Легко, едва коснувшись губами. Но мои уши огнем залило окончательно. Я никогда не была с мужчиной...

— Ты прекрасна, правда, — сказал он. — На тебя просто невозможно равнодушно смотреть. В тебе есть огонь. Идем. И взял меня за руку.

Да, я представляла себе свою свадьбу совсем иной. Не так. Это должно было быть торжественно, в светлом чертоге Ормхольма, я в красивом платье, вокруг много гостей... а не уставших путников и пьяных крестьян, заглянувших сюда вечером. Красивые люди, красивая музыка, полные столы...

Но ведь это не важно, на самом деле.

Мы сможем все отпраздновать потом, когда я получу Ормхольм назад. Сделать все по правилам.

Да и не в пирах дело.

А в человеке, с которым я решила связать свою судьбу.

Как же это вышло?

Совсем чужой мужчина, который сейчас держит меня за руку. Который, не сомневаясь, клянется любить и защищать меня до последнего дня. Который отлично понимает, какой отчаянный шаг сейчас совершает и чем его клятва может обернуться... не эта клятва, но и эта тоже.

Во время свадебных обещаний клятва символична, без крови. В старые времена клялись по-настоящему. Но заставлять двоих клясться на крови – любить и хранить верность до конца дней... особенно если это договорной брак, по воле родителей, особенно когда о любви изначально речи и не идет, это слишком жестоко.

Сейчас это просто слова. Но даже слова имеют силу.

У Отера в глазах мечутся чуть безумные отчаянные искры. Он клянется, словно прыгает с высокой скалы, не зная, достаточно ли глубоко внизу, не разобьется ли он. Я тоже не знаю.

Но обратного пути нет. Мы уже летим.

И я клянусь тоже.

А потом он целует меня. Легко, почти по-братски, едва коснувшись губами.

Зрители улюлюкают, веселятся, требуют целоваться еще.

– Потанцуем? – говорит Отер, подхватывает меня.

Слегка нетрезвый лютнист, и где только его нашли, ударяет по струнам, заводя веселую и слегка неприличную песню. У меня кружится голова.

– Ты теперь моя жена, – говорит Отер, обнимая меня.

У него теплые сильные руки. И хочется довериться ему... по крайней мере в танце. Это так легко. Рядом с ним кажется, что все будет хорошо.

* * *

– Если хочешь, если тебе нужно для начала привыкнуть ко мне, – шепотом говорит он мне в макушку, – мы можем просто тихо лечь спать.

Я натанцевалась так, что не чувствую ног. Я упала бы, если бы он не держал меня. Не нашла бы сил подняться, если бы он сам, на руках, не втащил меня по лестнице и через порог спальни. Если бы не обнимал так сейчас. Как-то совсем иначе теперь обнимал, и даже дыхание его менялось.

– А тебе не нужно ко мне привыкнуть? – сказала я.

Он засмеялся.

– Я уже, – шепнул, словно доверяя тайну, голос вдруг стал ниже и глуше.

Уже. Это я чувствовала.

Его руки поглаживали мою спину нетерпеливо, и шнуровку на платье – подхватывая пальцами тесемочки, на пальцы

накручивая, но пока не распуская. Отер пытался держаться из последних сил.

Что ж, по крайней мере, в одном он точно не соврал, я нравлюсь ему как женщина. Так не сыграть.

Его сердце колотилось.

Он ждал моего ответа.

– Не хочу ждать, – сказала я. – Хочу сейчас. А то вдруг потом одумаюсь и пожалею.

– Поздно жалеть, – сказал он и потянул за тесемочки.

Я принадлежу ему теперь.

А он мне.

Подняла на него глаза. Его лицо оказалось совсем близко, его глаза, вдруг потемневшие, расширившиеся зрачки, огонь, полыхающий в глубине.

До дрожи.

Его губы осторожно коснулись моего виска... его теплое дыхание... и я невольно сама потянулась к нему. Прильнула. И обняла за шею, я хотела... просто не знала как...

– Ты ведь никогда не была с мужчиной, да? – спросил он. Потерся щекой о мою щеку. Так щекотно, у него ужасно колючая.

– Нет, – сказала я.

– Ничего, – сказал он. – Все бывает в первый раз.

– Ничего? – удивилась я. Разве он ожидал чего-то другого?

– Ты дрожишь, – сказал он. – Не знаешь, чего ожидать, не

знаешь, что тебе делать. Но это ничего, надо лишь начать. Подожди... сейчас, – довольно улыбаясь, взял мои руки. – Холодные...

Немного подышал на них, согревая.

– Сейчас... – и точно задумал что-то, точно все знал.

Отпустил, быстро отстегнул перевязь с мечом, отбросил в сторону. И ремень. И взяв мои руки снова, сунул к себе под рубашку, ладонями к коже. Ближе к сердцу сначала.

– Чувствуешь? – спросил с интересом. – Ох, холодные все равно, я-то точно чувствую.

Ему было весело, при всем при этом. Глаза смеялись, легкие пучки морщинок у глаз...

А у меня покраснели не только уши, но, наверно, я вся... Замерла.

– Сердце бьется...

– Да, – согласился он, улыбаясь еще шире. – А вот тут?

Одну мою руку он сдвинул чуть вбок, и под моими пальцами оказалась кривая, выпуклая веревочка шрама.

– Чувствуешь? – спросил он.

– Что это?

– Довольно свежий, – сказал он. – Этой весной тяжелое копьё сорвало стальные нашивки и пропороло мне бок. Под Интакой, в поле. Меня выбило из седла.

– Как на турнире?

Турниры у нас редкость, все больше в Уэйсвике, но я видела однажды.

– Как на турнире, – согласился он, криво ухмыльнулся. – А потом мне дали в морду, совсем не как на турнире, но я успел вывернуться и прирезать его.

– С пробитым боком?

– Очень уж хотел жить. Правда, после этого в бою от меня было мало толку. Я просидел там, около лошади, ну... кому-то успел вроде врезать по ногам...

Улыбался. Герой.

– Болит?

Я не удержалась, провела пальцами вдоль шрама, пытаюсь понять, где он начинается, насколько большой. Едва касаясь пока. Мне показалось, рядом ребро чуть выпирает.

– Уже нет, – Отер покачал головой. – На таких, как мы, все быстро заживает. Не волнуйся, ты не сделаешь мне больно. Ребро тоже оказалось сломано, но уже все срослось. Вот ты трогаешь сейчас.

Его кожа была теплой тоже, мои холодные пальцы почти обжигало. Твердые мышцы под кожей. Так интересно, я чувствовала, как мышцы двигаются, когда он делает вдох...

– А можно... посмотреть? – спросила я. Наверно, странно все это. Я не так себе представляла.

Но неожиданно увлекало. Узнать его получше?

– Подожди, – сказал он. – Руками сначала. Вот тут... – вторую мою ладонь он сдвинул чуть ниже, на живот. И чуть напрягся, когда я погладила, пытаюсь нащупать. – Этот старый.

Полоска гладкой кожи, не выпуклая, скорее даже чуть наоборот.

Между прочим, живот у него волосатый, куда более волосатый, чем там, под ребрами... прощупать не так легко. Но и я слегка осмелела.

– А этот откуда? – спросила с интересом.

– Этот еще в детстве почти. Мы учились драться, и парень, который был со мной в паре, чиркнул кончиком меча.

– В учебном поединке? Ненастоящем?

– Да, – согласился он. – Но и шрам почти ненастоящий. Так, слегка порезало кожу, неглубоко.

– И что ты сделал с тем парнем?

– Ничего, – сказал он. – Он был сильнее меня, быстрее, да и умнее, пожалуй. В тот день он навалил мне от души. И еще пару лет потом я не мог с ним справиться.

– Пару лет? А потом?

– Потом... научился отвечать.

В этом месте он почти дыхание затаил, потому что моя рука скользнула чуть ниже... Но нет, я ведь ничего такого... я просто хотела нащупать еще какой-нибудь шрам.

– А как звали того парня? – спросила я.

Он задумался на мгновение.

– Альфред.

– Альфред? Как короля?

– Как короля, – согласился он. – Еще показать?

– А еще есть? – спросила я.

Он хмыкнул – ну, еще бы! Правда, чуть сдавленно вышло, облизал губы. Азартно прищурился.

– Есть. Попробуй найти сама?

– Хорошо, – согласилась я.

Поняла, что почти совсем перестала смущаться, это похоже на игру, ничего такого... ну, не знаю.

И даже ближе к нему подвинулась, нужно же все ощупать. Вот уж никогда бы не подумала, что буду вот так запросто лапать постороннего мужика.

А он не мешал ничуть, просто спокойно стоял и наблюдал за мной, и сам не тянул ко мне свои лапы...

У него куча шрамов, там и искать-то нечего.

Рядом с первым, у ребер, совсем маленький, почти круглый, но вполне ощутимый.

– А это? – я обвела шрам пальцем.

– Это... хм... от стрелы, – сказал он.

– Где-то в Тарве?

– Нет, в Тунсете, полез куда не надо, меня подстрелили.

– В Тунсете? В Рёйгене? Ты говорил, что еще в детстве уехал отсюда.

– Да. Это так, ненадолго забегал... По делам, скажем. Ты еще на спине не видела, что мне с того раза осталось!

И сам чуть подался вперед, чтобы я не его со спины обойти пыталась, а обняла, обхватив руками, щупая спину. Ох ты... словно дерево обнимаешь! Он здоровый и жесткий такой... А на спине тонкие длинные полосы.

– Плетью? – спросила я.

– Ага, – кивнул он.

– За что?

Там столько полос под пальцами, что и представить страшно.

– Да вот, за то, что куда не надо полез.

– Это куда?

– К девке, – он неопределенно дернул щекой.

А я вдруг не поверила. Вот не знаю от чего. С другой стороны, мое ли это дело? За кражу его поймали? Не похож он на того, кто красть будет. Что-то еще. Но сейчас не самое удобное время выяснять. Завтра спрошу. Он ведь теперь никуда от меня не денется.

И от этой мысли вдруг как-то тепло стало.

– Рубашку сними, – сказала я, – посмотреть хочу.

И сама взялась, принялась снимать с него, он сопротивляться не стал.

А ведь хорош.

Рубашку он в сторону бросил.

Я, разглядывая его, обошла кругом. Поймала себя на том, что так по-хозяйски осматриваю, он послушно стоит. Мой муж, чтоб его... Я принадлежу ему, а он мне, и я имею на все это право.

А без рубашки даже еще крупнее кажется, плечи широкие... Шрамов на нем... На плечах куда больше, чем на груди, а руки и вовсе все изрезаны. Как он жив после всего это-

го? Или огонь в крови? Таких не убьешь.

Я провела рукой по плечу, погладила.

– А сколько тебе лет?

Очень своевременно. Он усмехнулся.

– Двадцать девять. Выгляжу старше?

– Да нет... Просто – когда ты все это успел?

– Да вот, знаешь, огонь в крови, как шило в заднице, спокойно сидеть не дает.

Глаза весело смеялись.

Огонь, значит...

– А это?

Я провела рукой у его ключицы.

– В Райне, – сказал он. И вдруг поймал меня за руку, притянул к себе, и я оказалась совсем близко. – А можно теперь я с тебя что-нибудь сниму? – спросил вкрадчиво.

Одну мою руку он держал, а второй я сама держалась за него, чтобы удобней стоять... ну, как держалась? Обнимала. И щекой к его плечу. Его запах, тот самый – паленой травы, нагретых камней... запах огня. Притягивал. Невозможно сопротивляться этому. Очень правильный запах.

Вдруг поняла, что хочется не только щекой, а всем телом прижаться. И не отпускать.

– Попробуй,ними, – согласилась тихо.

* * *

Когда проснулась, поняла, что он улыбается.

Лежит рядом, гладит меня пальцами по бедру, зараза такая, и улыбается. Спать не дает. Но так довольно, что сердиться невозможно.

После этой ночи – вдвойне невозможно.

И даже ничего такого, никаких чудес, никакого особого блаженства, как мне Ута с нашей кухни рассказывала. Но Ута и говорила, что в первый раз ничего ждать не стоит. Я все равно больше смущалась и не могла расслабиться, как бы Отер ни развлекал меня.

Но было хорошо.

Действительно хорошо, я бы не прочь все это повторить. И не раз.

И даже притом, что этой ночью мы больше болтали и веселились, чем то, чем в первую ночь заниматься положено... Оно и к лучшему. За эту ночь он перестал быть чужим.

Я пододвинулась ближе, прижаться к нему боком, он сгреб меня в охапку, затащил на себя. Теперь я лежала у него на животе.

– Ну, как ты? – тихо спросил он и, прежде чем я ответила, потянулся поцеловать. Нежно. По-настоящему. Увлеченно так.

– Отлично, – сказала я. Не соврала. – Ты умеешь обращаться с женщинами.

Он заулыбался еще довольнее.

– Это просто, – погладил меня по бедру. – С юными де-

вушками надо так же, как с дикими волчатами, не лезть к ним сразу со своими ласками, это только пугать. Пусть чувствуют себя в безопасности, не лапать и не пытаться с ходу раздеть. Одежда – это тоже защита. Не стоит первому нарушать границы. Заинтересовать. Потом дать себя обнюхать со всех сторон, – он тихо хмыкнул. – Попробовать на зуб, если нужно, потому что пока волчонок не изучит тебя, доверять не начнет. Показать, что ты открыт и не тронешь. А вот когда тебе начнет доверять, можно уже и самому тянуть руки и начинать осторожно чесать за ушком.

– За ушком? Да ты страшный человек, Отер, – я была почти поражена, но и почти готова простить ему все это. По крайней мере, в это утро простить. – Значит, я – дикий волчонок?

– Уже нет, – он, ничуть не сомневаясь, меня за ушком почесал.

– Думаешь, приручил? Волк никогда не станет домашней собакой.

– Это ведь хорошо, – беспечно сказал он. – Ты тоже страшная женщина, между прочим, – и немного повел плечом. – Смотри, как покусала!

– О-о-о, – я попыталась изобразить раскаянье, но что-то не вышло. На плече действительно черный синяк. – Я попробовала тебя на зуб? А ты это говоришь сейчас, чтобы я прощение попросила или чтобы покусала еще?

Тут он просто заржал. Обнял меня так крепко.

– Второй вариант мне нравится больше, – сказал, ни капли не сомневаясь. – Ты же не просто так кусать будешь, а и все остальное тоже?

– И все остальное тебе тоже покусать? – удивилась я.

– Страшная женщина, я же говорю! – подхватил и заставил меня рывком перевернуться, сам оказавшись сверху.

– Но тебе нравится, – сказала я.

– Да, – согласился он. – Знаешь... – и как-то вдруг посерьезнел, – я очень рад, что судьба свела нас вот так. Что все так вышло. Что встретил тебя. Как бы ни повернулось потом. Очень рад. Наверно, вот такую жену я всю жизнь и ждал.

Он лежал, опираясь на локти, глядя на меня.

И вдруг сожаление в его глазах, почти тоска.

Да, мне тоже жаль, что мы не встретились раньше, что все это не просто так... что это почти договор, ради общей цели. Почти война. И забыть об этом не выйдет, даже на одно утро.

– Знаешь, – сказала я, – сейчас я почти готова поехать с тобой в Мьёльвуд и забыть обо всем.

Он улыбнулся мягко и тепло. Коснулся губами моего виска, у самой брови.

– Я очень рад этому, Ингрид, – сказал честно. – Я тоже почти готов уехать и забыть. Но у нас не выйдет. Пройдет день, два, неделя... и ты сама начнешь жалеть, что поддалась этому чувству.

– Начну жалеть, – признала я. – Но так же буду жалеть, если не попробую.

Отер кивнул и по моим волосам легонько провел пальцами.

– Нам не стоит терять время, – сказал он. – Если Камень признает Искандера, то мне к нему уже не подобраться. Лучше решить все как можно скорее.

– Не признает, – сказала я.

– Почему? Потому что чужак? В твоём отце не было ни капли рёйгенской крови, но Камень в конце концов признал его. Камню достаточно огня. И если огонь сильный, остальное уже не важно. Думаешь, в Искандере только южная данхарская кровь? Да за столько веков перекрестных браков все перемешалось.

Я вдруг... вдруг взглянула на него другими глазами.

– Ты его видел? – спросила я. – Искандера?

– Да, – сказал Отер.

– И что он за человек?

Отер вздохнул, и вся утренняя мягкость и легкость исчезла окончательно.

– Он привык получать то, что хочет.

– Как и ты?

– Как и я. – Отер оттолкнулся от кровати, сел.

Он сидел, отвернувшись, все еще голый. Я смотрела ему в спину... Широкая крепкая спина, исполосованная плетью. И не такие уж старые эти следы, не в детстве, не мальчишкой заработанные. Сбоку они перекрывают другой широкий шрам, явно полученный в бою.

Так ведь не может быть? Если это...

Если он командовал людьми, то точно не простой голодранец. И высечь его плетью? Кто мог позволить себе такое?

Тунсет... Года три или четыре назад, я как-то не придавала этому значение тогда, просто случайно слышала... К отцу приезжал человек. Из Тунсета. Я случайно слышала, как орал отец: «Как вы могли упустить его?! Да еще приехать с этим ко мне! Хоть понимаешь, что это значит?» Тот человек понимал. Гнев отца пугал его. «Он подышал, милорд! Он не мог уйти сам! С пробитым легким... да у него вся шкура со спины под плетью слезла... он подышал...»

Я не знаю, что было потом, что это был за человек. Мне было лет пятнадцать тогда, и я совсем о других вещах хотела думать. Подумала, может, вор и что-то серьезное там...

И сейчас приподнялась сама, потянулась к Отеру, коснулась его спины, провела пальцами.

– Скажи, у тебя свои счета с Севером, да?

– С Севером? – удивился он. – Нет.

– А с кем?

Он покачал головой.

– Я не мстить сюда приехал. А попытаться исправить. – Вздыхнул тяжело, поднялся на ноги. Подобрал штаны. – Ингрид, нам нужно собираться, иначе не успеем к вечеру доехать до жилья.

Когда спустились вниз, оказалось, что ни Кадима, ни Уил-

ла уже нет.

– Доброго утра, милорд! – хозяин трактира кланялся, с интересом поглядывая на нас. – Желаете завтрак?

Так поглядывал!

Мы шумно ночью себя вели? Я подумала об этом только сейчас...

– Давайте завтрак. Что там у вас? – согласился Отер.

– О-о, милорд! Вы наверняка голодны! У вас прекрасная жена и такая горячая, что наверняка требуется много сил! У меня есть копченые...

Отер глянул на него так, что трактирщик разом заткнулся, подавившись словами.

– Простите, милорд, – краснея, еще ниже поклонился он. – Миледи...

Отер кивнул, прощая.

– Несите... что у вас там? На троих.

Трактирщик неуверенно оглянулся.

– На троих, милорд? Ваши друзья уехали.

Но... Уилл уехал? Не сказав мне?

– Оба? И Уилл? Белобрысый? – Отера это тоже удивило.

– Да, милорд.

– А то, что уехал Кадим, ты знал? – спросила я.

– Да, – сказал он. – Мы говорили вчера, что теперь каждый пойдет своей дорогой. Я знал, он попрощался. А Уилл не говорил ничего?

Отер внимательно смотрел на меня.

– Нет, – сказала я. – Я даже не думала...

И Отеру это не понравилось.

– В какую сторону он поехал? – спросил трактирщика.

– Он поехал дальше, милорд. На запад. Ничего не сказал, на рассвете просто вышел, взял лошадь и уехал.

– Он просто ревнует меня, – сказала я неуверенно. – Мы выросли вместе, и сейчас Уилл...

– Может, и так, – согласился Отер. – Ингрид, скажи... а Уилл часто ездил с твоим отцом?

Меня передернуло даже.

– О чем ты говоришь?

– Это просто вопрос. Твой отец доверял ему? Насколько Уилл был посвящен в дела?

Мне даже не по себе стало. И Отер... снова совсем чужой вдруг. Все вдруг показалось ложью, все эти игры и ласки, и только...

– Ингрид, – он сделал шаг ко мне, взял за плечи, заглянул мне в глаза. – Посмотри на меня, – попросил он. – Я ведь не желаю зла твоему Уиллу, он хороший парень и наверняка верен тебе. Но он молод и горяч, и сейчас совсем один в зимнем лесу. Я переживаю, как бы он не наделал глупостей. Чтобы с ним ничего не случилось. Ну... Ты веришь мне?

Я не знаю.

– Зачем тогда ты спрашиваешь о делах отца?

– Хочу понять, куда Уилл мог рвануть. Вдруг какие-то незавершенные дела?

Почти убедительно. То, как он говорит это, то, как смотрит. Этому почти невозможно сопротивляться.

– Ты поедешь за ним?

– Нет, – Отер покачал головой. – У нас нет времени, нужно возвращаться.

Глава 5. Как верить тебе?

Накроет метель белым плащом плечи его.

Белый дракон Севера поднимет голову.

Из Откровения Хьернбори Бесноватого

Мы заночевали в деревне. В другой, не в той, в которой останавливались позапрошлой ночью. Чуть ближе к Ормхольму, сюда добрались уже в темноте.

Почти не говорили по дороге. Не знаю отчего, просто не говорили. Только если нужно было что-то спросить.

Отер ехал чуть впереди, на полкорпуса, я за ним, глядя в спину. Он лишь изредка поворачивался, бросая на меня короткие взгляды.

Напряженные, чуть опущенные плечи, челюсти сжаты и нижняя чуть вперед. Я видела, как что-то беспокоит его, занимает все мысли, и не мешала. Поводов для раздумий хватает.

Завтра еще один спокойный день и спокойная ночь, а потом все изменится. Мы проберемся в замок тайком, я знаю подземный ход у северной стены, я сама через него выбиралась. И по замку потом, после заката, когда все уснут.

Мы спустимся вниз, к Камню Ормхольма. И тогда все решится.

Если у нас не выйдет, если Камень откажется Отара признать, или откажется сразу... иногда для этого нужно время... я не знаю, как быть тогда. Нас могут заметить... думаю, заметят наверняка.

И если заметят, обратно меня уже не выпустят. Но я им нужна, а для Отара это почти наверняка будет значить смерть.

Он молчал.

Я не пыталась дергать его разговорами, понимала, что ему наверняка хватает сейчас темных мыслей.

Нас накормили ужином, уложили спать. Здесь дом небольшой, так что в общей комнате, но подальше в углу за занавеской постелили тюфяк, теплые шкуры. Никаких глушителей сегодня, все услышат... но зато тепло и спокойно.

Насколько вообще может быть спокойно сейчас.

Я почти не спала прошлой ночью, и сегодня так неудержимо клонило в сон.

И все равно не уснуть, пока... не знаю, что-то не давало мне покоя. Мысли о будущем.

Отер лежал на спине, глядя в потолок.

– Не спишь? – тихо спросила я, пододвинувшись ближе, коснувшись подбородком его плеча. – Ты ведь знаешь, что делать?

Тихо и незаметно забраться в замок можно, я представляю как. Но вот тихо выбраться, боюсь, уже не выйдет. Если

Камень признает Отера, весь Рёйген узнает.

Он повернул голову ко мне.

– Мы справимся, не бойся. Если Камень примет меня, то люди короля не посмеют просто убить. Как много людей в Ормхольме готовы поддержать тебя, а не присланного королем герцога, если дело дойдет до стычки?

– Думаю, мои люди верны мне. И... моему мужу, которого я выбрала сама.

– Хорошо. Сколько? – спросил он.

– В самом замке человек тридцать, я думаю. Было больше, но одни из них уехали с отцом и не вернулись, другие уехали потом, отказываясь служить новому герцогу.

– Тридцать... Думаю, как только вести разнесутся, люди потянутся сами. Мы соберем больше.

– Прольется кровь...

«И кровь прольется по всей земле! Твари выйдут на охоту».

Давние пророчества... я слышала лет пять назад, но никогда не принимала всерьез. А тут вдруг все встало перед глазами. Прольется кровь, потому что я хочу отомстить за отца.

– Если мы решим пойти против короля, без крови не обойтись, – сказал Отер.

Мне как-то не по себе стало.

Я все понимаю, конечно... Но мне страшно.

Немного сжалась, подтянув к себе ноги.

– Что-то не так? – шепотом спросил он, пододвинувшись

ближе.

– Все так, наверно, – сказала я. Все как я и хотела.

Но на душе кошки скребут.

– Иди ко мне, – он обнял, прижал меня к себе. – Все правильно, не сомневайся. Все будет хорошо.

Поцеловал меня в макушку. Его объятия успокаивали, это было так хорошо.

– Тебя никто не обидит, – шепнул он еще, осторожно гладя меня по спине.

Я сейчас даже не за себя боюсь.

Но это успокаивало все равно. Его прикосновения успокаивали, его тепло. Или, скорее, его спокойная уверенность передавалась и мне тоже.

Я сама обняла его, положив голову ему на грудь, слушая, как сердце бьется.

– А ты не боишься? – спросила я.

– Чего?

– Того, что будет?

Он хмыкнул.

– Боюсь, наверно, – сказал он. – Но какая разница? Будет как будет, все равно.

Где-то за окном завывал ветер, снова метель поднимается. Но здесь, в доме, тихо и тепло, потрескивают угли в очаге... Будет как будет.

* * *

– Что ты делал в Тунсете? – спросила я на дороге. – Только правду, Отер. Я кое-что слышала, давно... года четыре назад. Кое-что знаю. Если ты совершь, я пойму.

Ночная метель улеглась, но снег все еще шел, падая белыми хлопьями.

Отер глянул на меня, шумно втянул носом воздух. Выпрямился в седле.

– Что ты знаешь?

– Что ты там делал? – спросила я. Повернулась к нему, заглядывая в глаза. Сейчас на ходу толком ничего не разглядеть, но все равно.

Я ведь имею право знать? Я хочу разобраться. Все ниточки, которые у меня есть, – хочу стянуть и посмотреть на это еще раз.

– Меня наняли для одного дела, – сказал Отер. – Выкрасть бумаги.

– Что? – вот этого я ожидала меньше всего.

– Ингрид... Все это не так просто объяснить, – он поджал губы, и объяснять ему явно не хотелось.

– А ты попробуй, – сказала я.

Отер тяжело вздохнул, поскреб бороду. Уйдет от ответа? Соврет сейчас?

– Ты когда-нибудь слышала о Хьернбори Бесноватом? – сказал он. – Нищий сумасшедший, который бродил по разным землям, смущал народ невнятными пророчествами и

предрекал всякие беды Рёйгену? Говорили, он одержим демонами... а может, просто повредился рассудком. Или даже, что никакой он не сумасшедший, что его наняли враги твоего отца, чтобы он поднимал народные волнения. Потому что некоторые пророчества были уж очень невыгодные.

Хьернбори... Я слышала, да, это было давно. Уже почти и думать забыла... Ходил босой, в лохмотьях даже зимой, от деревни к деревне, от города к городу. Я даже слышала, он спал на снегу и разговаривал с тварями, они не трогали его. Все это бред, конечно...

А потом этот Хьернбори куда-то пропал... может, все же твари сожрали.

Наняли враги моего отца?

Про реки крови – это ведь его слова. Он беды всякие предрекал, смерть, неурожаи, стаи тварей и лютые зимы, которые убьют все живое.

Я никогда не верила, мало ли сумасшедших.

– Что-то слышала, – сказала я, как-то не по себе стало. – Но ведь это просто бредни? Столько лет прошло, и...

Отер усмехнулся.

– Бредни, конечно, – согласился он. – Но твоему отцу, как я понимаю, они испортили много крови. Эти бредни были записаны и хранились в Тунсете. Меня наняли эти записи достать.

Он ехал рядом, глядя на меня, поджав губы, чуть вытянувшись даже. Не мог не понимать, по какому тонкому льду

сейчас идет.

Враги моего отца. Кому нужны были эти пророчества?

«Красный волк Запада пожирает ваших детей! Кровь на его лапах...»

Я помню. Отец искал этого Хьернбори, но так и не смог найти. Хотел узнать, за что тот так ненавидит его. Хьернбори обещал отцу гибель.

Я и забыла об этом, но сейчас, когда отец мертв... я даже не знаю, что думать.

– Кто нанял тебя? – спросила я.

– Через посредника, – сказал Отер. – Я не могу сказать... Мне хорошо заплатили, и тогда это все, что мне было важно. Я тогда в эти дела даже не вникал, сказали принести – я принес. Ты думаешь, тот, кто нанял меня, хотел твоему отцу навредить? Это было четыре года назад...

– Теперь король казнил его, – у меня голос дрогнул, и что-то поперек горла встало.

Мне так тяжело об этом говорить...

– У короля уж точно были другие мотивы. Точно не старое пророчество сумасшедшего.

– А какие?! – не выдержала, голос сорвался. – Какие мотивы?! Отец всегда был верен! Он старался делать для Рёйгена все... Он не мог! Это все клевета!

Губы дрогнули.

– Ингрид... Ты винишь меня, что все вышло так?

Да.

Нет... Я, конечно, понимаю умом, что эти события слишком разные и по времени слишком далеко друг от друга. И тогда Отер не мог знать... и он уж точно расплатился за все своей шкурой. «Он подышал! С пробитым легким...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.